

Аида Родан

**Любовь по назначению
Спустя...**

18+

Аида Родан

Любовь по назначению Спустя...

«Автор»

2025

Родан А.

Любовь по назначению Спустия... / А. Родан — «Автор», 2025

Ее жизнь - это безупречный проект. Сейчас она блестящий креативный директор, нашла утешение в строгих линиях офиса и в дружбе с партнером, генеральным директором, чья семья стала ей почти родной. По иронии судьбы, ее лучшая подруга, уговаривает совершить отчаянный шаг - создать анкету на сайте знакомств. Мир цифровых свиданий кажется ей чужим, и она уже готова стереть все следы своего недолгого присутствия, как вдруг... сердце замирает. Среди сообщений всплывает одно предложение от имя которого, перехватывает дыхание. Олег. Человек, чью любовь она пронесла через пятнадцать лет, как заветную тайну, человек, чья память жила в ней тихой, но неумолимой грустью. В то же время ее партнер представляет ее проект крупному инвестору. Когда в их офисе появляется он. Взгляды встречаются. И в глазах могущественного незнакомца она видит не просто интерес, а бурю из прошлого. Смогут сердца, израненные временем и обремененные грузом прошлого, забиться в унисон?

© Родан А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6.	29
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Аида Родан

Любовь по назначению Спустия...

Глава 1

За окном медленно гасла прохладная осенняя ночь, а на кухне, залитой теплым светом, царил уютный, почти семейный хаос. Воздух был густой и сладкий, пахнувший остатками праздничного торта, засохшими каплями вина. Две девушки, Адель и Анна, двигались в этом уюте, как в отлаженном ритуале. Одна мыла тарелки под тихую струю воды, другая вытирала их мягким полотенцем. Анна, блондинка с теплыми карими глазами, и Адель, с каштановыми волосами и голубыми глазами. Банкет в честь первого дня рождения маленькой Софии, дочки Анны, остался позади, оставив после себя приятную усталость и тишину, нарушаемую лишь мягким перезвоном хрусталя.

Анна, хозяйка дома и жена бизнес-партнера Адель, на мгновение замерла, глядя, как по стеклу стекают пузырьки. В ее глазах плескалась нежность и легкая, знакомая каждому родителю озабоченность.

– Слушай, Адель, – начала она осторожно, будто боясь спугнуть хрупкое равновесие вечера. – Найди ты себе уже пару. Завела бы ребеночка. Ты была бы прекрасной мамой.

Адель улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики смеха. Ее ответ прозвучал мягко, но непрекращаемо, как отзвук далекого колокола.

– Придет время, я обязательно сделаю. Всему свой час, Аня. Всему свое время.

– Но время-то идет, – не унималась Анна, ставя блестящую тарелку на полку, где она мягко звякнула. – Когда ты в последний раз была в отношениях? И почему вы расстались? Вы же были такой замечательной парой!

Пальцы Адель на мгновение сжали край тарелки. Она посмотрела в темное окно, где отражалась их уютная кухня, как картина в раме, а за ней – темная бездна ночи.

– Не могу я лгать, ни ему, ни себе, – тихо сказала она. – Он был хорошим, очень хорошим человеком. Но я не смогла полюбить его по-настоящему, понимаешь? Сердце молчало, а жить с тишиной внутри – это самая одинокая из комнат. Я не хочу в нее возвращаться.

– Ты все еще ждешь какого-то особенного чувства? – в голосе Анны прозвучало не столько осуждение, сколько материнская, щемящая жалость. – Милая, ты словно девочка, верящая в сказки. Неужели ты думаешь, что в жизни всегда есть место этой самой буре?

Адель медленно повернулась к подруге. В ее взгляде не было обиды, лишь тихая, непоколебимая ясность, как у человека, знающего свою истину.

– Ты хочешь сказать, что не любишь своего мужа? – спросила она так тихо, что Анне пришлось наклониться.

– Нет! Что ты! – Анна вспыхнула, и ее лицо озарилось искренним, горячим чувством, румянец выступил на щеках. – Своего мужа я люблю. Безумно. Именно поэтому я и хочу, чтобы и ты была счастлива со своей половинкой. Чтобы у тебя было то же самое!

– Тогда зачем предлагать мне довольствоваться просто... отношениями? – в голосе Адель послышалась легкая, накопленная за вечер усталость от необходимости объяснять необъяснимое.

– Потому что я хочу, чтобы ты была счастлива! – воскликнула Анна, и в ее словах была вся боль настоящей дружбы, эта мучительная жалость, когда видишь пустующее, по твоему мнению, место в жизни самого близкого человека.

– Я и так счастлива, хорошо? – Адель произнесла это так просто и твердо, что Анна на мгновение отступила, будто наткнувшись на невидимую стену. – Мое счастье пока что другого

сорта. Оно в тишине, в свободе, в вашей семье, которую я так люблю. В работе, которая меня вдохновляет. Оно в том, чтобы не торопиться.

Но Анна, упрямая и любящая, не сдавалась.

– Может, просто посмотришь сайт знакомств?

Адель рассмеялась, и смех ее прозвучал легко и звонко, сметая накопившуюся напряженность, как ветер сметает паутину.

– Сайты знакомств – это мой план на случай апокалипсиса. Лет эдак в пятьдесят. Когда все остальные способы иссякнут.

– И что, до пятидесяти будешь одна? – покачала головой Анна, но уже с улыбкой.

– Неужели кроме интернета в мире больше нет способов знакомств? – парировала Адель, играя бровью.

– Те, что были, тебе не подошли, – вздохнула подруга. – Ладно, ладно. Просто... подумай. Никто не заставляет. Обещай, что подумаешь? Не понравится – удалишь все одним кликом.

Адель подошла к ней, положила руку на плечо. Ее глаза смягчились, наполнившись безмерной благодарностью за эту навязчивую, но идущую от самого сердца заботу.

– Хорошо, Аня. Обещаю, – Адель мягко прервала ее, и в ее голосе звучала не просьба, а тихое, теплое увещание. – Но давай не будем сегодня больше возвращаться к этому. Сегодня был такой замечательный день. Я невероятно рада, что вы у меня есть. Ты, Рома, маленькая Софи... Я так люблю вашу семью. И я бесконечно счастлива, что вы пустили меня в свое счастье. Вы – мой самый надежный островок.

Слова Адель, такие искренние и лишенные всякой горечи, растоптали последние льдинки беспокойства в душе Анны. Она обняла подругу, прижалась щекой к ее плечу, вдыхая знакомый, успокаивающий запах ее духов.

– Я тебя тоже очень люблю, Адель. Прости, если я слишком настаиваю. Я просто... я так хочу, чтобы и у тебя было свое семейное гнездышко. Полное такого же тепла, смеха и этого... этого особенного уюта.

– Оно у меня есть, – прошептала Адель, и ее взгляд, мягкий и ясный, обвел уютно заливную светом кухню. – Оно здесь.

В этот миг в дверном проеме кухни возникла спокойная тень Романа. Стройный, высокий, со светлыми волосами и усталыми, но безмятежными голубыми глазами. Он стоял, прислонившись к косяку, и на его лице играла умиротворенная улыбка.

– Софи уснула, – тихо сообщил он, и слова его, казалось, наполнили комнату теплым молоком, таким же мягким и питательным, как и этот вечер. – Улыбалась во сне, моя радость.

Анна, словно цветок, потянувшийся к солнцу, тут же отошла от раковины и прильнула к нему, обвив руками его талию. Он принял ее в свои объятия, положив подбородок ей на макушку, и на миг они замерли – идеальная картина отдохновения после долгого, насыщенного дня.

Втроем они переместились в гостиную, где царил уютный полумрак, нарушаемый лишь мягким светом торшера, бросающим золотистые блики на стены. Пахло детством, счастьем и затихающим праздником. Они болтали о пустяках, о смешных моментах дня, и Адель, глядя на них, сидя в глубоком кресле с чашкой травяного чая, чувствовала себя не гостьей, а частью этого маленького, прочного мира, сотканного из любви и взаимопонимания.

Но всему приходит свой час. Когда Адель поднялась, собираясь уходить, Анна, провожая ее до прихожей, взяла ее за руки и посмотрела прямо в душу, прошептав так, чтобы не слышал Роман:

– Подумай о моем предложении, хорошо? Обещай, что подумаешь.

В глазах Адель мелькнула тень сомнения, словно она взвешивала что-то невесомое и хрупкое. Но в конце концов она кивнула, сжав теплые пальцы подруги.

– Хорошо, – выдохнула она, и в этом слове была не столько уступка, сколько обещание самой себе все обдумать. – Подумаю.

– Какое предложение? – донесся из гостиной заинтересованный голос Романа.

Анна обернулась, и на ее лице расцвела озорная, таинственная улыбка, делающая ее похожей на девочку, спрятавшую секрет.

– Пока она не согласится – военная тайна, ни слова не скажу.

– Как всегда, я узнаю все самым последним, – с комичной обидой в голосе констатировал Роман.

– Зато, по существу, – нежно парировала жена, и в ее взгляде, брошенном на мужа через плечо, было столько безграничной нежности и глубокого понимания, что Адель стало тепло и одновременно чуточку грустно от этой совершенной, такой далекой и такой желанной гармонии.

За дверью ее встретила бархатная прохлада осенней ночи. Дорога домой пролетела в размышлениях, похожих на кружение опавших листьев – беспорядочном, но мягком. И вот она уже в своей тихой квартире, где воздух застыл в ожидании. Бездумно щелкнув выключателем, она опустилась в мягкое кресло и открыла ноутбук. Экран вспыхнул холодным сиянием, осветив ее задумчивое лицо и подчеркнув тень усталости под глазами.

Тишина обволакивала, густая и звенящая, и в этой тишине нахлынули сомнения. Может Анна и вправду права? Может, эта упрямая гордость, это бесконечное ожидание идеала – всего лишь замаскированный страх? Ей так остро, до физической боли, захотелось, чтобы сейчас рядом был кто-то. Не просто «кто-нибудь» для галочки, а родная душа, с которой можно было бы молча смотреть фильм, делаясь не словами, а безмолвным теплом.

«Хватит прятаться за высокими стенами», – прошептал внутри нее какой-то новый, робкий, но настойчивый голос. «Пора открыть сердце. Пора начать новую главу».

Пальцы сами, почти против ее воли, потянулись к клавиатуре. Она набрала в поиске заветные, почти порочные слова: «сайт знакомств». Сердце учащенно забилося, когда она кликнула по первой же ссылке, обещавшей «тысячи одиноких сердец».

И вот перед ней возникла анкета. Имя, возраст, увлечения... Шаг в неизвестность. Пальцы замерли над клавишами, застыв в сомнении на самом пороге нового начала. Курсор мигал в пустом поле «Имя», словно нетерпеливое, но беззвучное требование. Адель сделала глубокий вдох, и в этой звенящей тишине одиночества к ней вернулась тень другой жизни.

Когда-то, в той прошлой жизни, у нее было другое имя. Редкое, мелодичное, как далекий колокольчик. Но оно навсегда срослось с болью, с той девушкой, которую она решила оставить в пыльном чулане воспоминаний. Перелистывая страницу бытия, она совершила радикальный жест – сменила не только паспорт, но и саму суть своего «Я». От прошлого осталась лишь дата рождения, одинокая цифровая веха в календаре, не несущая ни тепла, ни привязанности к месту.

И теперь, создавая призрачный образ для сайта знакомств, она снова стояла на этом распутье. Написать «Адель»? Но это имя было ее щитом, ее настоящим «Я». Оно казалось слишком личным, слишком ценным, чтобы бросать его в цифровой океан чужих, оценивающих взглядов. Мысленно она перебирала обыденные имена – Маша, Катя, Оля – но каждое из них отскакивало, как горох от стены. Она не хотела растворяться в толпе, быть «как все». Ей и в прошлый раз хотелось индивидуальности, уникальности, отсюда и выбор – Адель. Имя, звучащее как песня.

«А как назвать меня здесь?» – прошептала она в тишине. «Псевдоним? Выдумать очередную маску?» – когда она с таким трудом обрела свое настоящее лицо.

Слабый, почти бессильный вздох вырвался из ее груди. Она откинулась на спинку кресла, и экран ноутбука отразился в ее глазах холодным, бездушным прямоугольником, символом того искусственного мира, в который ей предстояло шагнуть.

– Ох, как же все это сложно, – проговорила она вслух, и голос прозвучал непривычно громко в безмолвии комнаты. Это был не просто каприз. Это было глубинное, почти инстинктивное сопротивление. Процесс, который для других был рутиной, для нее превращался в экзистенциальный выбор, в попытку продать даже не лицо, а тень, не желая выдавать ни кусочка себя, даже имени.

– Ладно, – решила она, с легкой, но знакомой грустью, закрывая крышку ноутбука. Мерцающий свет погас, оставив комнату в успокаивающих сумерках. – Пожалуй, я подумаю об этом потом. Или никогда.

И в тишине, наступившей после щелчка, было не разочарование, а скорее облегчение, похожее на то, когда отступает головная боль. Она не была готова. И в этот вечер право остаться самой собой, без масок, без псевдонимов, без компромиссов – оказалось дороже призрачной возможности начать все снова.

Глава 2

Ее кабинет на тридцать втором этаже был похож на изящную стеклянную шкатулку, парящую в облаках. Широкое панорамное окно во всю стену открывало панораму города, где под лучами осеннего солнца дымились крыши и медленно ползли реки машин. Адель стояла у самого стекла, заложив руки за спину, и в ее душе на мгновение воцарилась редкая, почти медитативная тишина. Ни планов, ни тревог, ни мыслей – только бездонное небо и летящие вниз птицы.

Эту благословенную тишину нарушил мягкий, почти невесомый стук в дверь. В кабинет вошел Роман – генеральный директор, ее компаньон, и что было неизмеримо важнее, старый друг. Его появление всегда вносило в пространство знакомое, теплое оживление.

– О чем думаешь? – спросил он, останавливаясь рядом.

Адель обернулась к нему, и на ее лице появилась легкая, немного удивленная улыбка.

– Представляешь, абсолютно ни о чем. В голове – полная, блаженная пустота. Редкое состояние.

– Тем лучше. Значит, я не помешаю. – В уголках его глаз собрались лучики смешинок. – Я пришел тебя порадовать.

– И чем же? – в ее глазах вспыхнул живой, детский интерес.

– Не поверишь, – с загадочной улыбкой произнес Роман, явно наслаждаясь моментом.

– Теперь ты просто обязан рассказать. Я готова поверить в самое невероятное, – она смотрела на него с тем безграничным доверием, которое рождается только за годы дружбы.

– Помнишь, я как-то упоминал, что у меня есть на примете человек, которому могла бы понравиться твоя идея? Разработка ПО для прогнозирования свойств молекул и виртуальных клинических испытаний.

– Смутно припоминаю, – кивнула Адель, мысленно возвращаясь к их прошлым разговорам.

– Так вот, я нашел его. И, представляешь, он заинтересовался.

– Заинтересовался... просто идеей? Устным описанием? – недоверчиво переспросила Адель, приподняв бровь.

– Именно так. Она его впечатлила. Говорит: «огромный потенциал будущего».

– И кто этот прозорливый человек? – в ее голосе зазвучало неподдельное любопытство.

– Не поверишь, – снова схитрил Роман.

– Опять это слово! – рассмеялась она. – Вроде бы, я всегда тебе верила.

– Не придирайся к словам, – отмахнулся он, но глаза его лукаво блестели. – Случайно встретил его вчера. Этот тот самый человек, который когда-то вложил деньги в наш с тобой самый первый проект. Тот, с которого все началось.

Адель нахмурилась, пытаясь восстановить в памяти хронологию и полустертые образы.

– Прости, но я запуталась. Ты же всегда говорил, что у тебя были собственные средства, что это твое личное вложение.

Роман вздохнул, и его лицо стало серьезнее. Он посмотрел в окно, словно находя нужные слова где-то там, в проплывающих облаках.

– Не хотел падать в ваших с Анной глазах тогда. Две юные мечтательницы, глядящие на меня с таким безграничным доверием... Мне казалось, что признание в том, что я нашел стороннего инвестора, будет выглядеть как слабость. Поэтому я не сказал всей правды.

– Ого, – тихо прошептала Адель. – И ты правда думал, что мог упасть в наших глазах?

Она снова рассмеялась, но теперь в ее смехе была теплая, почти нежная нота.

– Анна любила тебя безумно, а я всегда считала тебя своим лучшим другом. Что уж могло измениться из-за такой мелочи?

Он молча подошел и обнял ее за плечи. В этом простом жесте была вся их многолетняя дружба – прочная, проверенная временем и лишенная всяких условностей.

– Спасибо тебе, – сказал он просто. – Но сейчас не об этом. У нас есть месяц, чтобы подготовить полноценный бизнес-план. Через месяц – личная встреча с инвестором.

– Встреча через месяц? – Адель медленно перевела взгляд на свой рабочий стол. – Значит, мне предстоит много работы.

С этими словами она деловито, почти изящно прошла к своему креслу и погрузилась в его мягкую кожаную обивку. Лицо ее озарилось сосредоточенным и вдохновенным выражением – тем самым, которое появлялось, когда на горизонте маячила по-настоящему интересная задача.

– Только, пожалуйста, не задерживайся на работе допоздна, – мягко, но настойчиво попросил Роман, уже стоя в дверях.

– Даже не подумаю, – ответила она, хотя ее пальцы уже летали по клавиатуре, а взгляд был прикован к экрану. Она открыла чистый файл, и первый заголовок загорелся на белом фоне. Новый проект, новая глава начиналась здесь и сейчас, рождаясь из тишины, дружбы и веры в общее дело.

Оставшийся день растворился в ровном гуле процессора и призрачном мерцании монитора. Адель погрузилась в создание презентации с таким самоотречением, будто от каждого слайда и каждой цифры зависели не просто инвестиции, а судьба мира. Проект был слишком масштабным и требовал колоссальных вложений. Она работала, отрешенная от времени. Лишь когда витражные окна ее кабинета плавно и бесшумно потемнели, подчиняясь встроенной программе, имитирующей наступление сумерек, она медленно оторвала взгляд от экрана.

За теперь черным стеклом уже всю пылал ночной город – бесчисленные огни складывались в причудливые узоры, словно кто-то рассыпал по бархату ночи горсть рубинов и сапфиров. В наступившей тишине раздался сдержанный, но настойчивый стук. На пороге замерла Алена, ее секретарь, с папкой документов в руках. Но не бумаги занимали ее мысли – во взгляде молодой женщины читалась тихая, почти материнская тревога.

– Адель Леоновна, вы сегодня вообще собираетесь домой? – спросила она, и в ее голосе причудливо смешались мягкий укор и искренняя забота.

– Да-да, обязательно, – машинально ответила Адель, ее пальцы снова потянулись к мышке, чтобы поправить едва заметный дисбаланс в диаграмме. – Сейчас, вот только закончу эту мысль...

– Может, все-таки отвлечетесь? – настаивала Алена, делая шаг вперед. – Чай? Кофе? Я могу заварить тот травяной сбор, что вы любите.

Адель наконец подняла на нее глаза, и сквозь пелену умственного напряжения пробились смущенная улыбка. Она сдалась, ощущая, как тяжесть давит на плечи.

– Знаешь, а я не откажусь. Если ты еще не убегаешь, сделай мне, пожалуйста, просто чай. Без всего. Спасибо тебе, Алена.

Когда дверь закрылась, Адель откинулась на высокую спинку кресла, позволив себе на мгновение закрыть глаза. На висках пульсировала боль, напоминание о часах, проведенных в неподвижности и концентрации.

– Так, надо отвлечься, – тихо проговорила она в пустоту, пытаясь убедить саму себя.

Ее пальцы, будто жившие собственной жизнью, снова легли на клавиатуру. Едва заметное движение – и браузер послушно выдал ту самую, заветную и оттого пугающую страницу. Яркие аватары – все это выглядело как портал в другой, совершенно чуждый ей мир.

– Это, наверное, может меня отвлечь, – снова попыталась она убедить себя, но в голосе звучала не уверенность, а сомнение и усталая покорность.

Она смотрела на экран, где начиналась новая, неизведанная глава, чувствуя, как трепет любопытства в ее груди борется с глухим сопротивлением всего ее естества.

И снова ее взгляд уткнулся в злополучное поле «Имя». Оно пульсировало навязчивой пустотой, словно вопрошая о ее сути, требуя определения, кем же она предстанет в этом виртуальном зеркале.

– Так, что же делать? – прошептала она в растерянности, чувствуя, как привычная уверенность делового стратега растворяется в легкой панике.

В этот момент дверь бесшумно приоткрылась, и в кабинет вернулась Алена с чашкой ароматного чая. Поставив ее на стол, она невольно скользнула взглядом по экрану, и на ее лице промелькнула целая гамма эмоций: мгновенное удивление, быстрая оценка ситуации, и наконец, теплое, понимающее участие.

– Адель Леоновна, вы... решили, воспользоваться сайтом знакомств? – осторожно, без тени осуждения, спросила она. – Извините, что подглядела.

– Да, вот только планирую... – с легким, почти девичьим смущением призналась Адель, отводя взгляд. – Пока даже не знаю, с чего начать. Что ты вообще об этом думаешь?

– Знаете, а я с мужем познакомилась именно через сайт знакомств, – откровенно поделилась Алена, и ее глаза засветились теплым, внутренним светом, говорящим о счастье.

– Правда? – Адель с искренним, неподдельным изумлением посмотрела на нее. – Не думала... Вы так идеально подходите друг другу, кажется, что вы всегда были вместе.

– Да, и мы очень счастливы. Уже два года в браке, а кажется, что все только начинается, – ее голос стал тише и задушевнее. – Так что, видите, вполне можно найти там что-то настоящее. У меня не было никаких противоречий.

– Ты права, – с новой, внезапной решимостью сказала Адель, будто Алена протянула ей спасательный круг в море нерешительности. – Пробовать можно. Но вот у меня тут первая же загвоздка.

– Какая? – с участием спросила Алена.

– Имя. Писать псевдоним или свое? Мне как-то неловко выставлять свое напоказ.

– Смотрите, – Алена присела на край массивного стола, на время превратившись из помощницы в доверенного советчика, – если бы я написала, что я Оля, а потом выяснилось, что я Алена, как вы думаете, это понравилось бы моему будущему мужу? Чтобы я с самого начала скрывала даже имя?

– Думаю, нет, – сразу же, без колебаний ответила Адель. – Поняла. Значит, надо писать свои данные. Честность – лучшая политика, даже в цифровом мире.

– Ну, не обязательно открывать все карты сразу, – мудро заметила Алена, лукаво подмигнув. – Например, кем работаете, можно и не указывать. А можно указать, допустим, просто «секретарь».

– Ты уверена? – скептически хмыкнула Адель, но в ее глазах уже играла улыбка.

– Ну а что? Это же не ложь, а просто... легкая дипломатическая тайна! – рассмеялась Алена. – Хотите, я вам помогу? Составлю анкету, раз уж я тут эксперт по счастливым случаям.

– А ты не спешишь? – обрадовалась Адель такому неожиданному предложению, чувствуя, как камень сомнений начинает понемногу сваливаться с души.

– Я как раз мужа жду, он скоро подъедет. У меня минут пятнадцать есть.

– Слушай, ты меня тогда просто выручишь! – с облегчением воскликнула Адель, вставая и уступая ей свое кресло. – Помоги, пожалуйста, Алена.

Алена деловито устроилась за компьютером, ее пальцы уверенно заскользили по клавиатуре, наполняя пустые поля историей, характером и той самой искренностью, которой так не хватало цифровому пространству. Адель, стоя рядом и глядя на экран, чувствовала, как странное волнение смешивается с легким, почти детским предвкушением чего-то нового.

– Так, возраст? – озвучила Алена следующий пункт, ее пальцы замерли над клавишами.

– А что, возраст можно скрыть? – спросила Адель, заглядывая ей через плечо.

– Можно. Можем, напишем чуть поменьше? – с хитрой улыбкой предложила помощница.

– Нет, – неожиданно твердо решила Адель, внезапно ощущая странную, теплую волну гордости за каждый прожитый год, за все уроки, что они с собой принесли. – Оставляй мой. Я его заслужила.

– Хорошо, – кивнула Алена, с уважением глянув на начальницу. – Работаете?

– Работаю... – Адель на секунду задумалась, перебирая в уме возможные варианты. – Ладно, пиши «секретарь».

– Уверены? – переспросила Алена, поднимая бровь.

– Абсолютно, – с легкой, почти девичьей игривостью в голосе ответила Адель. – Не буду же я сразу открывать все карты.

– Хобби? – продолжила заполнение Алена.

– Хобби... – Адель задумалась, ее взгляд унесся куда-то вдаль, за пределы кабинета. – Ну, напиши, как есть: теннис, фитнес... иногда булочки.

– Булочки? – Алена расхохоталась, и ее смех звонко прозвучал в вечерней тишине кабинета. – Это хобби?

– Ну да, – с достоинством подтвердила Адель. – Напиши: «Люблю булочки. С пылу с жару, с корицей и глазурью».

– А если он подумает, что вы... ну... не в самой лучшей форме? – с притворной строгостью спросила Алена, скрывая улыбку.

– Если он подумает, что любовь к булочкам автоматически означает размер платья, – с непоколебимым достоинством заявила Адель, – то это сто процентов не мой мужчина.

– Тоже, верно, – с легким поклоном согласилась Алена, и в этот момент у нее зазвонил телефон, нарушив легкую атмосферу заговорщичества. – О, это он! Осталось только выбрать, какие отношения вы ищите, и загрузить фотографии. С этим уж вы сами справитесь!

– Думаю, да, – улыбнулась Адель, с теплотой глядя на почти готовый профиль, который вдруг перестал казаться таким пугающим. – Спасибо тебе огромное! Ты меня по-настоящему выручила.

– Всегда рада помочь, – тепло ответила Алена, направляясь к выходу. – Удачи!

– Хорошего вечера! – крикнула ей вслед Адель.

Оставшись в одиночестве, Адель замерла перед монитором. Экран отбрасывал на ее лицо холодноватый, призрачный свет, делая черты более задумчивыми. Анкета была почти готова, дышала почти жизнью. Оставалось сделать последние штрихи, но именно они казались самыми важными и сложными. Самый главный шаг – решить, чего же она ищет на самом деле в этом виртуальном океане надежд и разочарований.

Она поднялась с кресла и медленно прошла по просторному кабинету. Ее шаги были бесшумными. Туда, к книжным шкафам, и обратно, к огромному окну, за которым уже горел ночной город. В этом ритмичном движении, в такт собственным шагам, рождалась ясность.

Наконец, она снова села за стол. Ее пальцы уверенно вывели в нужном поле: «Легкие отношения». Но остановившись, она снова задумалась. А что именно скрывалось для нее за этим словом – «легкие»?

– Наверное, я просто пока не готова, – проговорила она тихо, будто проверяя звучание своих мыслей в вечерней тишине. – Ни к замужеству, ни к чему-то слишком серьезному и обязывающему. Мне бы просто... познакомиться. Пообщаться... Услышать другой смех. А там... там будет видно, куда ветер подует.

И в этих словах не было разочарования или страха – лишь спокойное, выстраданное право идти своим путем, в своем ритме, не оглядываясь на чужие ожидания.

Это решение принесло неожиданное успокоение, словно она нашла наконец правильную ноту в сложной мелодии. Теперь оставалось последнее – выбрать фотографию. «Раз уж я «секретарь», – с легкой иронией подумала она, – то пусть все будет соответствовать образу». В ее

воображении уже рисовался портрет: скромная, деловая, не привлекающая излишнего внимания.

Она нашла в цифровом архиве снимок, сделанный на прошлой конференции. На нем она была изображена в элегантном лаконичном костюме цвета темной ночи, с аккуратной папкой документов в руках. Строгая, собранная, с чуть отстраненным взглядом, устремленным куда-то за кадр – идеальный портрет серьезной деловой женщины.

«Подойдет. Вполне соответствует образу», – мысленно заключила она, и не дав себе времени на сомнения и внутренние дебаты, решительно нажала заветную кнопку «Разместить».

Совершенный шаг вызвал внезапный приступ странной, почти детской легкости и... предательское урчание в желудке. «Что-то захотелось перекусить», – осознала она и направилась на небольшую офисную кухню. Там, в шкафчике, она отыскала заветную коробку с шоколадным печеньем, взяла несколько штук и с этим простым трофеем вернулась в кабинет.

Переступив порог, она бросила беглый взгляд на экран и замерла на полпути к столу. Рядом с ее только что созданной анкетой уже мигали цифры просмотров, а в чате одиноко, но уверенно висело первое сообщение. Сердце на мгновение екнуло – смесь любопытства и легкой паники. Она медленно опустилась в кресло, отломала кусочек печенья для храбрости и открыла несколько профилей.

Перед ее взглядом предстали улыбающиеся, вполне доброжелательные лица. Мужчины, чьи профили сайт посчитал «подходящими». Заметно полноватые мужчины. Один позировал с пищей, другой в уютной бургерной. Адель медленно выдохнула, и уголки ее губ сами собой поползли вверх, складываясь в сдержанную, но искреннюю улыбку. Она закрыла вкладку браузера. Темный экран отразил ее слегка смущенное лицо.

«Да уж, – тихо произнесла она вслух, – с булочками, я, кажется, немного перестаралась. Создала не тот флер».

Встряхнув голову, будто отгоняя наваждение, она с новым, свежим энтузиазмом вернулась к рабочей презентации. Станным образом, это маленькое виртуальное приключение прояснило голову, и новая, блестящая идея для проекта оформилась сама собой, ясная и законченная.

«Ладно, – решительно сказала она себе. – Сейчас быстренько доделаю, пока мысль свежая, и отправлюсь домой. Хватит на сегодня подвигов».

И в тишине кабинета, под мерцание бесчисленных огней города за окном, ее пальцы вновь застучали по клавиатуре, но теперь уже с совершенно иной, деловой и сосредоточенной энергией.

Глава 3

Солнечный свет, нежный и прозрачный, заливал кабинет, превращая пылинки в танцующие золотинки. Дверь бесшумно приоткрылась и на пороге возник Роман. Его взгляд скользнул по привычному порядку и остановился на неожиданной детали: на широком кожаном диване, под легким пледом цвета слоновой кости, спала Адель. Лицо ее, обычно собранное и сосредоточенное, сейчас было размягчено сном, безмятежным и глубоким, а прядь волос выбилась из аккуратной прически и лежала на щеке.

– Когда я вчера говорил «не задерживайся», – его голос, тихий и бархатистый, бережно разрезал утреннюю тишину, – я, конечно, имел в виду уйти до полуночи, а не устраивать ночлег в офисе с полным пансионом.

Адель, не открывая глаз, лишь слабо улыбнулась, уткнувшись носом в мягкую складку пледа.

– Доброе утро, и тебе, Роман, – ее голос был хрипловатым от сна.

– Доброе утро, Адель, – он мягко ответил, подходя ближе. Его взгляд скользнул по столу, заваленному листами с графиками, стрелочками и энергичными пометками на полях. – И что это на тебя вчера нашло? Приступ сверх продуктивности, достойный Книги рекордов?

– На меня снизошло озарение, – лениво протянула она, наконец приоткрыв один глаз и щурясь от яркого света. – Прямо как в древнегреческих мифах. Только вместо музыки – диаграммы.

– Озарение? – Роман с легким стуком присел на край тяжелого дубового стола, скрестив руки на груди. На его лице играла улыбка, смешанная с искренним любопытством.

– Ага. Вчера я написала столько, что сама себе завидую, – она потянулась, как котенок, и слабо зевнула. – И знаешь, чего мне сейчас больше всего на свете хочется?

– Слушаю с величайшим вниманием.

– Чашки вкусного, обжигающе-горячего кофе. И такого же вкусного, хрустящего круассана с маслянистыми слоями. Идеально, если еще теплого.

– Сейчас организуем, – с деловой серьезностью, в которой, однако, ясно угадывалась теплая забота, пообещал он. – Кофе, круассан. Возможно, даже с миндальной начинкой, в виде исключения.

– Я совершенно серьезно, – пробормотала она, с трудом приподнимаясь на локте и сгребая волосы с лица. – Это не каприз, а насущная необходимость для дальнейшей генерации гениальных идей.

– И я тоже совершенно серьезен, – ответил Роман, отходя к дивану и облокачиваясь спиной на его мягкую спинку, глядя на нее с той самой смесью дружеской снисходительности и безмолвного восхищения, которую он хранил для нее все эти годы. – Миссия «Утреннее спасение затворника» принята к исполнению. Пару минут, и твой скромный завтрак будет здесь.

Как по волшебству, дверь приоткрылась, впуслав в кабинет Алену. В ее руках был изящный деревянный поднос, на котором красовалась чашка с дымящимся ароматным кофе и идеальный золотистый круассан, от которого исходил соблазнительный запах свежей выпечки и сливочного масла. Она молча, с легкой улыбкой, поставила поднос на низкий столик перед диваном.

– Доброе утро, Адель, – тихо произнесла она, словно боясь нарушить умиротворенную атмосферу.

– Доброе утро, Алена. Благодарю тебя, – с искренней теплотой ответила Адель, встречая ее взгляд. В ее глазах читалась не только благодарность за завтрак, но и за своевременное появление.

Секретарь так же бесшумно удалилась, оставив их вдвоем. Адель, наконец, села, подобрала ноги, закутанные в плед. Она сделала долгий, бодрящий глоток кофе, и по телу разлилось долгожданное тепло. Сладко потянувшись, как довольный котенок на солнышке, она с наслаждением выдохнула.

– Как же блаженно... – прошептала она, и по ее лицу разлилось полное удовлетворение.

– Ну, так вернемся к самому интересному, – не унимался Роман, с интересом наблюдая за ее преображением. – Что за озарение стоило тебе ночи в не самом удобном офисе? Я надеюсь, оно того стоило.

– Тот самый проект, презентацию которого мы должны будем показывать меньше, чем через месяц, – ответила она, смакуя каждый звук.

– Напомню, в нашем распоряжении еще почти целый месяц, – улыбнулся он, наслаждаясь ее воодушевлением.

– Не суть, – отмахнулась она, с наслаждением отламывая хрустящий кусочек круассана. – Главное, что я вчера нашла несколько ключевых моментов, которые кардинально меняют всю картину. Расскажу чуть позже, во всех красках. Ладно? Можно я пока просто позавтракаю?

– Пожалуйста, позавтракай, – согласился Роман, – а заодно приведи себя в порядок

– А я разве не в порядке? – она игриво встряхнула растрепанными волосами, и в ее глазах блеснул озорной огонек, который он так давно не видел.

– Ты меня прекрасно поняла, – покачал головой Роман, стараясь сохранить строгость, но тщетно. – Позвонишь или зайдешь, как только сочтешь возможным явиться миру в подобающем виде.

– Хорошо, – покорно ответила Адель, с наслаждением откусывая очередной кусочек тающей во рту выпечки.

Роман уже был в дверях, но обернулся, чтобы бросить на прощание:

– Знаешь, а может, тебе все-таки завести кого-нибудь? Хотя бы котенка. Или... мужчину.

– Подумаю, – протянула она, пряча зарождающуюся улыбку в чашке с кофе.

– О котенке? – уточнил он, с притворной наивностью.

– Нет, о мужчине, – не поднимая глаз от чашки, ответила она.

– И что же остановило раньше? – искренне удивился он.

– Ну, за котенком придется каждый вечер ехать домой, чтобы его покормить, – с притворной серьезностью объяснила она. – А мужчина, я надеюсь, справится с этим самостоятельно.

Роман рассмеялся, и его смех приятно заполнил комнату.

– В таком случае, я готов подарить тебе котенка. Для начала.

– Только не вздумай! – тут же воскликнула она, делая испуганные глаза. – Он тогда будет жить здесь, в офисе. И станет твоим директором по мурлыканью и всеобщему умилению. Представляешь какие указы будет издавать?

– Понял, принял, – сдался он, поднимая руки в шутливом жесте капитуляции. – Подарок отменяется. Оставляю тебя наедине с твоим круассаном и гениальными мыслями.

Уголки его губ дрогнули в сдержанной улыбке, и, кивнув на прощание, он вышел, бережно прикрыв за собой тяжелую дверь, оставив в кабинете звенящую тишину. Адель осталась сидеть на диване, согревая ладони о теплую фарфоровую чашку. И в душе ее, вопреки физической усталости и слегка затекшим мышцам, шевельнулся легкий, почти неуловимый ветерок надежды – тот самый, что предвещает перемены.

«Что ж, – тихо произнесла она, кутаясь в мягкий плед, словно в защитный кокон, – давай теперь поговорим о моих перспективах на личном фронте».

С этими словами она переместилась в свое просторное рабочее кресло, которое с легким шумом приняло ее вес. Открыв ноутбук, она с затаенным трепетом, смешанным с любопытством, запустила браузер. И вот перед ней снова замигали разноцветные огоньки уведомлений на сайте знакомств. Однако с первых же секунд стало ясно, что что-то пошло не так. Она с

нарастающим разочарованием, словно перелистывая страницы неудачного романа, закрывала одну анкету за другой.

«Кажется, я все-таки переборщила с упоминанием булочек, – с легким вздохом сожаления констатировала Адель, наблюдая, как на экране сменяются улыбающиеся лица незнакомцев, чьи интересы явно вращались вокруг гастрономии. – Нет, определенно этот путь не для меня».

Решительно собравшись с мыслями и уже мысленно попрощавшись с этим цифровым экспериментом, она уже протянула руку к мышке, чтобы раз и навсегда удалить свой профиль. Но в этот самый миг ее взгляд, скользя по экрану, зацепился за одну-единственную фотографию.

Пальцы замерли в сантиметре от мыши. Сердце внезапно сделало в груди громкий, болезненный толчок, отдаваясь глухими ударами в висках. Кровь отхлынула от лица, оставив легкую прохладу.

«Не может быть... – прошептала она, вглядываясь в знакомые, до боли родные черты, в разрез глаз, который она когда-то знала лучше собственного отражения. – Это он... Как? Каким образом?»

С резким, почти оглушительным щелчком она захлопнула крышку ноутбука, отрезая себя от нахлынувшей лавины воспоминаний, которые, казалось, вот-вот сметут все на своем пути.

«Стоп! Мне нужно собраться. Должно быть, это просто показалась, обман зрения, игра усталого воображения» – пыталась убедить себя Адель, резко вставая с кресла. Ее руки слегка дрожали. «Мне срочно нужен душ. Холодный. Очень холодный душ».

К счастью, небольшая душевая комната была оборудована прямо за перегородкой ее кабинета, словно предусмотренная для таких моментов, когда реальность требует смыть. Направляясь туда, она надеялась, что струи воды смогут смыть не только следы бессонной ночи, но и это призрачное видение, ворвавшееся в ее привычную, выстроенную реальность.

Стоя под душем, она вся содрогалась от мелкой, непроизвольной дрожи. Вода была почти обжигающей, горячей, но странное внутреннее оледенение, сковавшее ее изнутри, никак не отпускало. Она повернула кран еще сильнее, и на кожу хлынули огненные струи, заставившие ее вздрогнуть и инстинктивно отстраниться. Следом накатила новая волна – леденящий озноб, пробирающий до самых костей, до сокровенной глубины души.

И так по кругу: жар, боль, холод. Она замерла под потоками воды, не в силах сдвинуться с места, объятая полным, оглушающим шоком. За стенами из матового стекла, в клубящихся облаках пара, вставали призраки.

Он.

Тот самый человек, что когда-то, одним мгновением, перевернул всю ее жизнь с ног на голову. Не строитель ее мира, а его безжалостный разрушитель, обрушивший привычные стены и оставивший после себя лишь голый, холодный фундамент из воспоминаний.

Но какой прочный оказался этот фундамент. Отпечаток его присутствия в ее судьбе оказался вечным, несмываемым, словно клеймо, выжженное на самой душе. Все эти пятнадцать лет он был тенью, незримым эталоном, с которым она бессознательно сравнивала каждого нового мужчину. И каждый раз эта тень оказывалась длиннее, значимее, ярче любого реального человека. Он стал призраком, который стоял за ее плечом, шептал на ухо о том, что истинное, всепоглощающее чувство уже было в ее жизни, отзывало своей мелодией и больше не повторится.

И вот этот призрак, все эти годы тихо живший в потаенных уголках ее памяти, материализовался – не в смутных снах и не в случайных воспоминаниях, а на холодном экране ноутбука, в бездушной базе данных сайта знакомств. Он возник близко, слишком близко – на расстоянии вытянутой руки и одного неосторожного клика. От этой внезапной, оглушительной

близости перехватывало дыхание и кружилась голова, смешивая прошлое и настоящее в один болезненный вихрь, где боль и страх сплетались с щемящим, запретным любопытством.

Выйдя из душа, она словно пыталась смыть с себя не только усталость, но и навязчивые тени прошлого. Мягким полотенцем она тщательно, почти механически, высушила каждую прядь волос, пока они не стали послушными и мягкими, как шелк. Легкий макияж – всего лишь несколько штрихов, чтобы вернуть лицу свежесть, а взгляду – привычную собранность. Запасной костюм, всегда ждущий ее в шкафу, лег на плечи знакомым, успокаивающим весом.

Наконец она опустила в свое рабочее кресло, но внутренний покой был обманчив. Мысли кружились вокруг одного-единственного образа – призрака, внезапно возникшего из цифрового небытия.

Пальцы сами, помимо ее воли, потянулись к ноутбуку. Еще один взгляд – и последние сомнения растаяли. На экране на нее смотрел Олег Филиппов. Тот самый. Черты лица, когда-то ставшие роднее собственного отражения, застыли в немом приветствии с фотографии. И тут ее взгляд уловил значок непрочитанного сообщения. Сердце на мгновение замерло, а пальцы инстинктивно отпрянули от клавиатуры, словно обжегшись.

Она быстро, почти панически, свернула вкладку, решив отложить это испытание. «Нужно к Роману, обсудить проект», – попыталась убедить себя Адель, вставая с места. Но слова в голове путались, а цифры на слайдах презентации расплывались перед глазами в бессмысленный, бесполезный узор. Прошрое, такое далекое и такое живое, решительно отказывалось уступать дорогу настоящему.

В надежде взять себя в руки, и вернуть хоть каплю самообладания, она попросила Алену принести крепкий кофе, а сама, сделав несколько глубоких, выравнивающих дыхание вдохов, снова открыла ноутбук. Главный вопрос сверлил сознание, не давая передышки: он узнал ее? Или это просто вежливый, шаблонный отклик на симпатичную, но совершенно незнакомую анкету? Фотография в ее профиле сделана издадека, да и годы прошли... Но любопытство – острое, неподдельное и непреодолимое, в конце концов превысило осторожность.

Она начала читать. Он писал о себе сдержанно, лаконично, выверенными фразами. Предприниматель, увлечение – плавание, бег, баскетбол, путешествия. Рядом были фотографии, и он, к ее изумлению, почти не изменился. Все тот же прямой, уверенный взгляд, та же легкая, чуть асимметричная улыбка, что когда-то заставляла ее сердце биться чаще, выстукивая неправильный, лихорадочный ритм.

И тогда она дошла до самого главного, до его предложения, скрывавшегося в конце сообщения. Ощущение было словно удар током – резкое, пронзительное, заставившее похолодеть кончики пальцев и на мгновение перехватить дыхание. В этот самый миг дверь кабинета бесшумно приоткрылась, и в него вошла Алена с чашкой дымящегося, ароматного кофе.

– Вы в порядке? – тут же спросила она, с мгновенной, чуткой тревогой вглядываясь в лицо начальницы. – Вы кажетесь такой бледной...

Адель попыталась собраться, натянув на лицо подобие легкой, ничего не значащей улыбки, которая, как она чувствовала, получилась кривой и неестественной.

– Все хорошо, Алена просто... немного шокирована неожиданными новостями.

– Надеюсь, это не последствия вчерашнего сайта знакомств? – мягко, стараясь разрядить обстановку, пошутила Алена. – Там порой встречаются весьма колоритные персонажи.

– Нет, не оттуда, – Адель покачала головой, и ее голос, к собственному удивлению, снова обрел твердость и привычные деловые интонации. – Но что касается колоритных персонажей, тут ты абсолютно права.

Алена, кивнув, вышла, оставив ее наедине с кружкой бодрящего напитка и захватывающей дух тайной, которая теперь пульсировала в тишине кабинета.

Адель снова уткнулась в экран, перечитывая его сообщение снова и снова, словно пытаясь разглядеть между лаконичных, вежливых строк не только слова, но и отголоски дале-

кого прошлого, шепот когда-то оборвавшейся мелодии и тень человека, которого она когда-то любила.

Последний глоток кофе оказался горьковатым и холодным, оставив на языке привкус остывших мыслей. Адель медленно отставила пустую фарфоровую чашку на стол и откинулась на спинку кожаного кресла, закрыв глаза. В тишине кабинета, нарушаемой лишь ровным гулом компьютера и отдаленным гулом города за окном, ее разрозненные мысли наконец-то начали собираться в стройную форму.

«Стоп!» – твердо проговорила она вслух, обращаясь к пустоте, но находя опору в звуке собственного голоса. – Я сама написала «легкие отношения». А что такое легкие отношения? Как раз ни к чему не обязывающее общение.

Логика выстраивалась сама собой, звено за звеном, принося с собой странное, почти ледяное облегчение. Значит, он не узнал меня. И это... это хорошо.

Но тут же, из самых глубин души, поднялась другая волна, смывая хрупкое спокойствие. Она поднесла ладони к вискам, и ее голос стал тише, почти шепотом, полным горького осознания:

– Но я-то... я-то узнала его. Вот в чем вся загвоздка.

Она резко провела ладонью по лицу, словно стирая не только усталость, но и навязчивые образы прошлого, пытаясь стереть само воспоминание о том, как когда-то билось ее сердце.

– Ладно, хватит, – выдохнула она, открывая глаза. Взгляд ее был твердым, устремленным на монитор. – Я на работе. И буду думать только о работе.

С решительным видом, не позволяя себе ни секунды сомнений, она закрыла вкладку браузера. Улыбающееся лицо Олега исчезло, похороненное в цифровом небытии. На мгновение в воздухе повисла тишина, словно комната выдохнула вместе с ней.

Перед ней раскрылся файл презентации – ее детище, ее настоящее, ее реальность, созданная собственными руками. И она погрузилась в него с головой, как ныряльщик в спасительные прохладные глубины, где царили ясность, логика, точные цифры и понятные цели. Здесь не было места призракам. Здесь были только факты. И это было ее спасением.

Время текло иначе, когда сознание полностью растворялось в работе. Прошло пару часов, а может, и больше – в потоке сосредоточенности минуты теряли свой вес и смысл. Дверь кабинета бесшумно приоткрылась, впуская в тихое царство графиков и цифр долгожданное оживление. На пороге возник Роман, его силуэт вырисовывался на фоне освещенного коридора.

– Я уж думал, ты испарилась в параллельное измерение, – в его голосе звучала легкая, почти отеческая упрёка, но в глазах плескалась безграничная доброта. – Ни звонка, ни твоего сияющего лика в моем кабинете. Начинал волноваться.

– Ой, прости, Ром! – встрепенулась Адель, отрываясь от экрана, и на ее лице расцвела искренняя, немного виноватая улыбка. – Я тут так закопалась, сама не заметила, как время пролетело. Проходи, сейчас все покажу! Сразу предупреждаю – будет жарко.

Роман вошел, его присутствие сразу наполнило пространство теплой, живой энергией. Он пододвинул к ее столу еще один стул и устроился поудобнее, как зритель в ожидании долгожданной премьеры.

И она начала свой рассказ. Сначала робко, подбирая слова, будто переступая по невидимым камням, а потом все увереннее и страстнее, ее голос набирал силу и убежденность. Она водила его по слайдам, раскрывая суть своих ночных озарений, рисуя смелыми мазками картины будущего проекта, который под ее пальцами оживал и начинал дышать.

Роман слушал, не перебирая, его внимательный взгляд был прикован к экрану и к ее сияющему лицу. И по мере ее рассказа его собственное лицо озарялось – сначала интересом, потом одобрением, а в конце – безоговорочным восхищением.

– Слушай, да ты у нас гений, – наконец выдохнул он, когда она, запыхавшись, закончила. – Ты всегда была умницей, но сейчас... сейчас ты гений в квадрате. Такое ощущение, что тебе нужно срочно учредить персональную премию. Немедленно.

– Денежную или Нобелевскую? – рассмеялась Адель, чувствуя, как от его искренних слов по всему телу разливается приятная, согревающая душу теплота.

– И ту, и другую. Одновременно, – без тени сомнений заявил Роман, и его глаза смеялись. – Но есть вопрос поважнее. Ты сегодня вообще планируешь домой, или нам стоит заказать тебе доставку ужина прямо в кабинет и принести пижамку?

– Конечно, пойду, – с легкостью ответила она, и сама удивилась, как сильно ей этого захотелось. – Я даже, пожалуй, готова прямо сейчас.

– Прямо сейчас? – Роман с комичным удивлением взглянул на часы. – Ну, если на то пошло... Может, тогда заскочишь к нам? Анна будет рада, а Софийка, я уверен, уже скучает по тете.

– С огромным удовольствием, – ответила Адель, и это была чистая правда. Мысль о теплом, шумном доме друзей, о звонком смехе маленькой Софии и неторопливой, душевной болтовне с Анной показалась ей лучшим лекарством от всех тревог и призраков прошлого. – Поиграю с нашим солнышком, поболтаю с Аней.

– Тогда поехали, гений, – Роман легко поднялся со стула и протянул ей руку, будто помогая совершить этот небольшой, но такой важный шаг – от мира работы к простым радостям жизни.

И они вышли из кабинета – улыбающиеся, перекидываясь легкими шутками. Их общий смех звенел в тихом вечернем коридоре, разгоняя тени и обещая простые, но такие ценные мгновения настоящего человеческого тепла.

Глава 4

Олег казался миру воплощением успеха, словно высеченным из холодного мрамора амбиций и несгибаемой воли. Его состояние исчислялось цифрами с таким количеством нулей, что они теряли всякий смысл, превращаясь в абстракцию. Пентхаус на верхнем этаже небоскреба, с панорамными окнами, открывающими весь город к его ногам, был не просто жильем – он был символом его триумфа, стеклянной короной на голове короля собственной судьбы. Он добивался всего, к чему стремился, подчинял себе обстоятельства, которые другим казались неприступными. Все, кроме одного – тихого, теплого пристанища в глазах родного человека. Он искал свою вторую половинку, ту единственную, что смогла бы наполнить безмолвные залы его империи не просто теплом, а настоящим, живым смыслом.

Именно от этого гнетущего одиночества, особенно яркого и несправедливого на фоне такого оглушительного успеха, он и устроил в своей стерильной, безупречно роскошной квартире баскетбольную комнату с идеальной шумоизоляцией. Здесь, в ритмичном, монотонном стуке мяча о полированный паркет и мягкий щит корзины, он находил подобие медитации, попытку заглушить внутренний гул пустоты. Но сегодня даже эта отлаженная механическая игра не приносила успокоения, лишь сильнее подчеркивая зияющую тишину внутри. В сердцах отшвырнув мяч в угол, где он бесшумно отскочил от стены, Олег решил сделать перерыв.

Он опустился в глубокое кожаное кресле, и его пальцы автоматически открыли ноутбук. Система тут же уведомила его о новой анкете на сайте знакомств – еще одном виртуальном послании в бутылке, брошенном в безбрежный океан одиночества.

Олег с долей привычного, почти уставшего скепсиса, движимого скорее рутинной, нежели искренней надеждой, начал листать профили. И вдруг его пальцы замерли. Взгляд, скользящий по экрану, наткнулся на фотографию и прилип к ней. На него смотрела девушка. До боли, до спазм в сердце, до перехватывающего дыхание узнавания похожая на нее. На Николь. Та же линия скул, тот же разрез миндалевидных глаз, обещающий бездонность, тот же наклон головы. Сердце на мгновение сжалось в ледяных тисках, заставив его инстинктивно выпрямиться.

«Не может быть... – первая, обжигающая мысль пронзила сознание как молния. Слишком уж похоже. Почти мистически. Но... имя было другое. Адель.

Адель...

Имя мягкое, певучее, совсем не похожее на то, что он когда-то шептал. Оно висело в воздухе, обрастая вопросами. Секретарь. Он попытался представить ее с папкой документов на подхвате, но воображение упрямо рисовало другой образ – Николь с мольбертом в руках, с каплями красками на фартуке. Хобби? Теннис, фитнес. Николь предпочитала прогулки и тихие вечера с книгой. Но вот это «булочки». Это неожиданное, домашнее, даже немного наивное увлечение заставило его скептически ухмыльнуться, но в глубине души что-то дрогнуло.

«Прошли годы, – тихо прошептал он, и в уголке его губ заплескала тень улыбки, сметая на мгновение привычную суровость. – Может, теперь она и впрямь любит булочки».

А потом его взгляд упал на графу, которая все усложнила. «Легкие отношения». Легкие... Что именно скрывалось за этим емким, то таким размытым словом у этой загадочной Адель? Он снова приблизил фотографию, вглядываясь в каждый пиксель, пока глаза не начали сливаться. Сходство было поразительным, почти пугающим. Но теперь он угадывал и отличия. Возможно, это была просто игра света, игра его уставшей, измученной памяти, так жаждущей встретить хоть какое-то отражение прошлого.

«Если это не она, – размышлял он, откидываясь на спинку кресла, – то почему бы не предложить встретиться на чашку кофе?» Мысль казалась простой и логичной. Но там четко обозначено: «легкие отношения». А если это все-таки она? Тогда она вряд ли согласится даже

на столь невинное предложение. Слишком много невысказанного, слишком много боли осталось между ними.

Потребовалась еще одна серия бросков в корзину, еще одна отчаянная попытка загнать навязчивые мысли в четкий ритм физической нагрузки, в стук мяча, в напряжение мышц. Но тяга написать, разрешить эту мучительную загадку, пересилила всякую логику. Он снова устроился перед экраном, его пальцы замерли над клавишами, будто боясь совершить ошибку.

Что предложить в рамках этих самых «легких отношений»? Что-то, что не будет похоже на попытку возобновить прошлое, натянуть старую кожу на новую жизнь. Что-то простое и понятное для двоих взрослых, одиноких людей, которые, возможно, просто ищут возможности разделить тишину, чтобы она не была такой оглушительной. Нужны были слова, лишенные прошлого, обращенные только в настоящее.

Ответ пришел сам собой – рожденный не столько желанием, сколько скукой, привычным цинизмом и годами выстроенной защиты от возможных разочарований. Его пальцы вывели несколько сухих, формальных фраз о себе: предприниматель, увлечения... А затем, почти на автомате, родилось главное предложение – холодное и откровенное, намеренно лишенное намека на романтику, будто деловой контракт.

«Раз уж мы оба ищем чего-то легкого и без сложных сценариев, возможно, вам могла бы быть интересна идея... взаимно приятного времяпрепровождения, исключительно для взрослых. Без имен, без прошлого, без обязательств. Просто страсть, игра и физиология в чистом виде. Если концепция вам близка – буду рад обсудить детали».

Не позволив себе ни секунды сомнений, он резко нажал «Отправить». Сообщение ушло в цифровую пустоту, а в его собственной душе воцарилась еще более гулкая, звенящая тишина. Он неотрывно смотрел на экран, где сообщение упорно висело со статусом «Доставлено». Это молчание начало разъедать его изнутри, превращаясь в навязчивый, раздражающий звук – словно тиканье часов в абсолютно пустой комнате, отчетливо слышимое в такт биению собственного сердца.

В конце концов, Олег сдался. Он отправился под струи душа, надеясь, что вода сможет смыть это навязчивое ожидание, этот внезапный крючок, зацепившийся где-то глубоко внутри. Вода омыла его тело, но не смогла очистить мысли. А потом, едва коснувшись головой подушки, его накрыла волна забытья, и он погрузился в глубокие, беспросветные объятия Морфея, где даже сны не смели нарушить выстроенные им границы.

Ему снилась Николь. Не загадочная Адель с сайта знакомств, а та самая, прежняя Николь, с сиянием в глазах и бездной нежности в голосе, от которой перехватывало дыхание. Они гуляли по осеннему парку, где ковер из багряных листьев мягко шуршал под ногами. Ее рука лежала в его ладони – теплая, живая, пульсирующая настоящим моментом. Они о чем-то смеялись, и ветер трепал ее волосы, разбрасывая по плечам золотистые пряди. Потом они зашли в маленькую, уютную кофейню, пахнущую корицей и свежемолотым кофе. Она, смеясь, выбирала самую большую, румяную булочку, щедро посыпанную сахарной пудрой, и делилась с ним, протягивая крошечные, сладкие кусочки прямо в рот.

Во сне царил та самая, утраченная годами, легкость бытия, когда счастье казалось не целью, а естественным состоянием души.

Он проснулся с ощущением, будто в груди, на месте выжженной пустыни, распустился теплый, солнечный цветок. На миг, затуманенным сном, ему показалось, что щека еще хранит прикосновение ее ладони, а в комнате витает сладких запах корицы. Сердце забило в безумной надежде, что все это было наяву, что она действительно вернулась.

Но суровая реальность пустынной спальни быстро вернула его к действительности. «Еще не явь», – с горькой усмешкой констатировал он про себя, и сладкий цветок в груди мгновенно завял, оставив после себя лишь знакомую щемящую пустоту.

Он быстрыми шагами, едва не споткнувшись о край ковра, направился к ноутбуку, стоявшему на журнальном столике. Экран холодно вспыхнул, сообщая ему то же самое, что и перед сном. Сообщение «доставлено». Ни ответа, ни даже намек на то, что его прочитали.

«Ну что ж, – попытался он успокоить себя, снова ощущая, как сладкое, предательское предвкушение возможной встречи щекочет нервы. – Наверное, она просто спала. В конце концов, я отправил его глубокой ночью».

Собравшись, он на мгновение задержался у зеркала в прихожей. Отражение показывало безупречный образ: уверенный взгляд, идеально сидящий костюм, расслабленная поза. Но за этим фасадом скрывалось нечто иное – трепетная, почти юношеская надежда, которую он, казалось, давно похоронил под многолетними слоями цинизма и делового успеха. Она пробивалась сквозь них, как первый росток сквозь асфальт.

Он отправился в свой офис – просторный лофт в стиле хай-тек, с панорамными окнами от пола до потолка, открывающими вид на кипящий внизу город. Воздух здесь был наполнен тихим гулом технологий и насыщенным ароматом свежесваренного кофе. Весь день, раздавая указания сотрудникам и просматривая отчеты, он с навязчивой регулярностью бросал взгляд на экран своего ноутбука. Каждый раз его встречало все то же безжалостное «доставлено». Это молчание начинало раздражать, как тиканье часов перед важным событием.

И вот, в разгар совещания, когда его заместитель докладывал о квартальных показателях, он снова машинально скользнул взглядом по экрану и замер. Статус изменился. Две синие галочки. Прочитано.

Сердце совершило резкий, болезненный скачок где-то в районе горла. Весь шум офиса – гул голосов, стук клавиатур, даже мерцание света – мгновенно отступил, превратившись в далекий, невнятный гул, будто кто-то выключил звук у мира. Он застыл в своем кресле, словно вкопанный, не в силах оторвать взгляд от чата. В груди поселилась тревожная, колотящаяся тишина, полного одного-единственного вопроса: «А что же дальше?»

Каждая секунда ожидания растягивалась в мучительную вечность, а он, влиятельный и уверенный в себе мужчина, вдруг снова почувствовал себя мальчишкой, затаившим дыхание в ожидании приговора, который определит все.

Олег неотрывно смотрел в экран ноутбука с таким напряженным вниманием, будто в этих мерцающих пикселях была заключена не просто судьба сделки, а судьба всей его вселенной. Его взгляд, обычно собранный, пронзительный и властный, теперь был полон немого, почти отчаянного вопроса – странной смеси надежды, страха и щемящего предвкушения. Он так явственно ждал чего-то, что даже сотрудники, привыкшие видеть его непоколебимой скалой, с изумлением наблюдали, как по обычно бесстрастному лицу пробегают тени непонятных им эмоций: легкая судорога у рта, мгновенное зажмуривание, глубокий, неслышный вздох.

– Олег Константинович, с вами все в порядке? – осторожно осведомился его заместитель, прерывая затянувшуюся неловкую паузу в середине его же фразы.

Олег вздрогнул, словно вернувшись из другого измерения, и медленно перевел на него взгляд, казалось, с трудом фокусируясь.

– Да-да, все... все нормально, – пробормотал он, и голос его звучал глухо, отстраненно, будто доносясь из-под толщи воды. – Просто... срочное дело. Неотложное.

Он резко поднялся, отодвинул тяжелое кресло с таким пронзительным скрежетом, что все невольно вздрогнули, и почти выбежал из переговорной, не глядя по сторонам. После него в комнате повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь недоуменным перешептыванием. Таким – растерянным, уязвимым, ведомым одной навязчивой идеей – его не видел еще никто и никогда.

Ему отчаянно до физической боли, требовалось уединение. Он боялся получить ответ на глазах у всех, боялся, что кто-то прочтет на его лице либо всепоглощающее облегчение, либо сокрушительное разочарование. Олег примчался домой, в свою стерильную, похожую на музей

тишину, и, даже не снимая пальто, снова уткнулся в экран. Но чат оставался немым, а две синие галочки казались теперь не надеждой, а бездушным издевательством. И тогда отчаяние начало медленно подниматься из самых глубин души, холодной и липкой волной, грозя захлестнуть последние островки самообладания.

Чтобы заглушить нарастающее отчаяние, он переоделся в спортивную форму и отправился на вечернюю пробежку. Он бежал по набережной почти полтора часа, до седьмого пота, до жгучей боли в мышцах, пытаясь убежать от навязчивой мысли, от этого мучительного ожидания, что сжимало грудь тисками. Но, вернувшись домой и с замиранием сердца проверив сообщения, он снова увидел лишь цифровую пустоту, безмолвно подмигивающую ему с экрана.

Тогда он наполнил просторную ванну, занимавшую всю стену из матового стекла, и погрузился в почти обжигающе горячую воду. Он лежал неподвижно, глядя сквозь витражное окно на огни ночного города, которые мерцали внизу, как далекие, равнодушные звезды. Они сияли в своем холодном великолепии, совершенно свободные от его человеческих терзаний.

Уже за полночь, когда терпение его было на исходе и отчаяние начало подступать комком к горлу, он снова подошел к ноутбуку. Ответа по-прежнему не было. Отчаянное и безнадежное решение начало вызревать в нем – сделать скриншот и обратиться к одному определенному человеку, тому, кто мог бы найти кого угодно, приподнять любую цифровую завесу. Он уже потянулся к клавишам, как вдруг тихий, но такой долгожданный звук уведомления, нежный и пронзительный, как колокольчик, разрезал гнетущую тишину.

Сердце Олега совершило резкий, болезненный скачок и замерло, словно готовое разорваться. Он медленно, почти боясь спугнуть хрупкий миг, опустил в кресло. Пальцы его внезапно похолодели. Сделав глубокий, прерывистый вдох, он заставил себя открыть сообщение, и начал читать, впитывая каждое слово, каждый пробел, каждую букву, что могла стать для него либо приговором, либо неожиданным спасением.

Глава 5

Вечер в доме Романа и Анны тек плавно и сладко. Адель, сидя на мягком ворсистом ковре, с упоением возводила хрупкую башню из разноцветных кубиков вместе с маленькой Софи. Каждый обрушившийся этаж сопровождался звонким, беззаботным смехом девочки, который наполнял комнату особым, животворящим теплом. Рядом, уютно устроившись в углу дивана, Анна со сосредоточенным видом вязала игрушку, увлекаясь новым хобби, а Роман, жестикулируя, увлеченно рассказывал о чем-то, его голос был негромким и спокойным. В этой атмосфере безусловного принятия и простого человеческого счастья, Адель чувствовала себя не гостьей, а полноправной частью чего-то цельного, настоящего и прочного.

Это была ее семья – не по крови, а по зову сердца, по взаимному выбору. И именно в этот миг полной, безмятежной гармонии, словно отголосок из другой жизни, в ее сознании мягко всплыло предложение Олега. То самое, от которого она инстинктивно бежала, наглухо закрывая окна своей души. Но сейчас, окутанная этим живым теплом и ощущением полной безопасности, она вдруг с удивлением обнаружила, что старая, ноющая боль притупилась, уступив место чему-то иному – острому, щекочущему нервы и оттого слегка запретному любопытству.

«А почему бы и нет?» – тихо прозвучал внутри нее вопрос, и он уже не пугал, а манил, словно обещая тайное приключение. Она попыталась представить: согласилась бы она, предложи он встретиться просто на чашку кофе? Нет, слишком много невысказанного, тяжелого и горького стояло бы между ними за столиком кафе, превращая любую беседу в напряжение. А вот его прямота, почти дерзкое предложение игры... Оно странным образом снимало с них обоих груз прошлого. В предложенных им правилах они были бы просто мужчиной и женщиной, сознательно согласившимися на взрослые, честные условия.

Она больше не была той наивной, восторженной девочкой. Теперь она была взрослой, состоявшейся женщиной, которая вполне могла позволить себе такую игру. Игру с мужчиной, который, как она с изумленным волнением осознала, все еще мог заставить ее кровь бежать быстрее.

Решение созрело внутри нее – ясное, как утренний свет, и неоспоримое, как биение собственного сердца. И вместе с ним по телу разлилось сладкое, пьянящее чувство свободы, будто с плеч упали невидимые, но такие тяжелые оковы. Уголки ее губ сами собой, против ее воли, поползли вверх, вырисовывая на лице загадочную, светящуюся изнутри улыбку, которую она и не пыталась скрыть.

– Ты сегодня какая-то... загадочная, – заметила Анна, откладывая вязание и с мягким любопытством разглядывая подругу. – Сияешь, словно знаешь какой-то секрет, которым не спешишь поделиться.

– Загадочная? – Адель заставила себя встретить ее пронизательный взгляд и улыбнулась еще шире, чуть прищулив глаза, чтобы скрыть их опасный, радостный блеск. – Я просто полностью погрузилась в проект. А когда работа идет хорошо, когда чувствуешь, что все получается, это всегда воодушевляет, не находишь?

– И дело только в проекте? – не отступала Анна, пытаясь прочесть на ее лице скрытый мотив, спрятанный между строк.

– В данный момент – только в проекте, – мягко, но с той самой твердостью в голосе, что не оставляет пространства для дальнейших расспросов, ответила Адель, подходя, чтобы обнять подругу в знак того, что тема исчерпана. – Мне пора.

В этом объятии была и благодарность, и обещание, что когда-нибудь, возможно, она все расскажет.

Пропощавшись с друзьями, она вышла на прохладный, свежий вечерний воздух. Но теперь это не было бегством от самой себя. Нет. Каждый ее шаг по направлению к дому был

наполнен новым, сладким и трепетным предвкушением. Ветерок ласково касался ее разгоряченных щек, словно поддерживая ее решение.

Впереди ее ждало не просто письмо в цифровой бездне. Ее ждало приглашение. Приглашение в игру, от одной мысли о котором замирало сердце, а по коже бежали крошечные мурашки, обещая неизведанное и манящее приключение, где правил бы только ее собственный выбор.

Мягкий шелест шелковой пижамы был единственным звуком, нарушавшим глубокую тишину ее спальни. Адель, устроившись в уютном гнезде из подушек, приоткрыла ноутбук. Экран осветил ее лицо холодным, но решительным светом, легкие тени скользили по ее чертам, придавая им загадочное выражение. Уголки губ тронула едва заметная, почти невесомая улыбка, в которой читалась и тревога, и предвкушение.

«Ну что ж, игра начинается», – тихо произнесла она в пустоту, и слова эти прозвучали как заклинание, открывающее дверь в неизвестность, за которой могла быть как свобода, так и новая ловушка. Ее пальцы, легкие и уверенные, заскользили по клавиатуре, выводя лаконичный, но безвозвратный ответ, перечеркивающий прошлое и начинающий новую, странную главу.

«Я согласна на ваше предложение, Олег. Давайте обсудим детали».

По ту сторону экрана Олег, уже измучивший себя томительным ожиданием, застыл на месте, медленно опускаясь в кресло. Сообщение всплыло на экране, и его сердце совершило резкий, болезненный толчок, после которого, казалось, остановилось. Не радость, а лихорадочное, почти пугающее возбуждение хлынуло в него горячей волной, смывая усталость и сомнения. Он тут же ответил, едва успевая обдумать слова, повинуясь первому порыву:

«Я предлагаю ролевые игры, где мы принимаем роли. Без имен, без прошлого».

Ответ пришел почти мгновенно, и его прямая, обжигающая готовность ударили Олега, как разряд тока:

«Заманчиво. И с какой роли начнем?»

Он был шокирован. Шокирован и пленен. Эта дерзкая, почти вызывающая уверенность, с которой она вела эту рискованную партию, разожгла в нем азарт дотла, пробудив нечто давно забытое. Руки почти дрожали, когда он набирал ответ, проверяя и ее, и границы этой новой реальности:

«Можно первую игру начать с горничной».

Его выбор был не случайным. Это была первая линия в их тайной битве, лакмусовая бумажка, призванная определить, кто же на самом деле скрывается за маской Адель.

Адель, читая его слова, почувствовала, как по ее спине пробежал легкий, щекотливый холодок, смешанный со странным волнением. «Первая игра...» – мысленно повторила она, и в этих двух словах открылась целая бездна намеков. Это значило, что он уже думал о продолжении, заранее предвкушая ее, выстраивая в воображении планы, которые простирались дальше одной встречи. Эта мысль согрела ее изнутри сладким, опасным теплом, растекающимся по жилам.

Она ответила, оттачивая каждую фразу, как клинок, готовый к изящному фехтованию:

«Одобряю. Мы будем играть строго по сценарию или оставим место импровизации?»

Олег прочитал ее вопрос, и по его лицу расплылась медленная, довольная улыбка, которая давно не появлялась в этих стенах. Она не просто соглашалась, пассивно принимая его правила. Нет, она вникала в самую суть, в механизм игры, становилась его соавтором, полноправным творцом их общей тайны. Это интеллектуальная отвага, это спокойное принятие правил и готовность их обсуждать были невероятно, пьяняще притягательны.

«Нравится импровизация, – выдохнул он, набирая ответ, ощущая, как учащенно бьется сердце, – Но можем составить и сценарий. Для начала».

«Соглашаюсь на сценарий, – парировала Адель, ее пальцы легко скользили по клавиатуре. – Кто начинает?»

«Давайте я начну, – предложил он, чувствуя, как кровь пульсирует в висках от нарастающего азарта, – а ты... откорректируешь. Сделаешь его совершенным».

Он намеренно перешел на «ты», одним движением стирая последние формальности, сокращая дистанцию, которую сам же и установил. И она, без колебаний, приняла новые правила, вписавшись в эту стремительно меняющуюся динамику:

«Можно. Начинай. Жду сценарий.»

В этих трех коротких фразах заключалась целая вселенная – вызов, доверие и безмолвное согласие на ту головокружительную игру, которая уже начинала разворачиваться в пространстве между экранами, полную намеков, страсти и невысказанных обещаний.

Олег откинулся на спинку кресла, охваченный вихрем давно забытых ощущений. Он не помнил себя таким живым, таким заинтересованным, таким... одержимым идеей со времен Николь. Мысли путались, а образы всплывали сами собой, рождаясь в глубинах сознания, раскаленного ее смелостью. Он не сочинял, а лишь успевал записывать на бегу ту фантазию, что разыгралась в его воображении. Он даже не перечитал написанное, не проверил на логику или стиль. Рука сама потянулась к кнопке «Отправить», выпуская в цифровое пространство их общую, только что рожденную тайну.

Сценарий. «Первый визит».

Роли: Хозяин (Олег) и Новая горничная (Адель).

Место: дом хозяина

Завязка: Вы нанимаете новую горничную для обслуживания своего дома. Сегодня ее первый рабочий день. Вы – строгий, требовательный хозяин, привыкший к безупречному порядку. Она – несколько нервная, но старающаяся произвести хорошее впечатление новичок.

Сцена 1:

(Хозяин) Вы встречаете ее на пороге. Ваш взгляд холоден и оценивающий. Вы не предлагаете ей войти, а молча осматриваете ее с ног до головы.

(Горничная) Вы стоите, опустив глаза, чувствуя на себе его тяжелый, изучающий взгляд. Вы говорите, что-то вроде: «Добрый день, я новая горничная».

(Хозяин) Вы пропускаете ее мимо себя, и проводите в гостиную. Останавливаетесь у стола, и повернувшись к ней, излагаете правила: «В этом доме ценится не только чистота, но и бесшумность. Я не терплю лишних звуков. И еще... – Вы делаете паузу, давая словам обрести вес. – Абсолютная дисциплина. Выполнение просьб без вопросов и промедления. Это главное правило. Вас это устраивает?»

Вы подходите к ней вплотную, нарушая личное пространство. Ваш взгляд скользит по воротнику ее униформы. Медленно, кончиками пальцев, поправляете воображаемую соринку с ее плеча. Прикосновение легкое, но властное. Вы говорите тихим, низким голосом, который слышен только ей: «Идеальный порядок начинается с мелочей. Не забывайте об этом».

Ваши пальцы, поправившие соринку, не убираются. Они замирают на ее плече, чувствуя под тонкой тканью униформы напряжение. Замечаете, как перехватило ее дыхание, как дрогнули ресницы. Эта мгновенная, произвольная реакция раскаляет воздух между вами.

– Кажется, вы не до конца понимаете, что подразумевается под абсолютной дисциплиной, – ваш голос становится еще тише, почти шепотом, обволакивающим и опасным. – Позвольте мне проиллюстрировать.

Вы не ведете ее, а направляетесь – легким нажимом на плечо – к столу. Ваши движения не оставляют пространство для спора.

(Горничная) Его прикосновения, властное и интимное, обжигает даже через ткань. Мысль «это неправильно» тонет в волне острого, запретного любопытства. Вы позволяете себя вести, трепеща от этой игры. Спина мягко упирается в прохладную древесину стола.

(Хозяин) *Вы останавливаетесь перед ней, полностью блокируя отступление. Одной рукой вы опираетесь рядом с ее бедром, заключая ее в клетку из своего тела. Другой – медленно, давая осознать каждый миллиметр, проводите пальцем от виска по линии челюсти к подбородку, заставляя ее поднять взгляд.*

– *Первое правило, – вы произносите, глядя прямо в ее глаза, – мое прикосновение – не нарушение правил. Это – правило.*

Ваша рука скользит ниже, к пуговицам ее строгого платья. Вы растягиваете первую, вторую... Ваши пальцы следят за ее дыханием, за тем, как учащенно вздымается грудь.

– *Второе правило, – ваш голос, интимный, низкий регистр. – Вы не отводите взгляд. Пока я смотрю на вас – вы смотрите на меня. Понятно?*

(Горничная) *Его команды, его прикосновения лишают воли. Вы можете только кивать, тонуть в его темном взгляде. Вы снова киваете, чувствуя, как платье растягивается, обнажая плечи, а затем и грудь...*

(Хозяин) *Вид ее обнажающейся кожи, ее покорности, одобренной искрой неподдельного азарта, сводит с ума. Вы больше не играете роль. Роль стала плотью.*

Дальше импровизация...

Текст Олега вспыхнул на экране, и Адель почувствовала, как по ее коже пробежали мелкие мурашки – не от страха, а от щекочущего нервы предвкушения. Он действительно обладал даром создавать напряжение, выстраивая сценарий, где каждая деталь, каждое слово дышала скрытой страстью и властью. Легкая дрожь возбуждения, сладкая и тревожная, разлилась по ее телу. Она набрала ответ, тщательно обдумывая каждое слово, расставляя свои собственные вехи в этой рискованной игре:

«Это... восхитительно. Только два правила. Первое – я буду в маске. И второе – пока... губы не целуемся».

Она намеренно оставила это «пока» висеть в воздухе между ними – маленькое семечко будущего, брошенное в плодородную почву их странного соглашения. Его ответ пришел почти мгновенно, лаконичный и полный скрытого одобрения:

«Одобряю».

И да, это «пока» не ускользнуло от его внимания. Оно зацепилось где-то глубоко внутри, заставив сердце сделать лишний, упругий удар. «Пока не целуемся» ... Значит, дверь не захлопнута навсегда. Значит, все может быть впереди. Конечно, он был согласен. Они лишь только начинают эту опасную игру.

«Когда будет реализована наша пьеса?» – отправил он.

И тогда пришел ее ответ, от которого у него перехватило дыхание.

«Давай завтра».

Он не сдержал низкого, сдавленного взгласа, и его тело само собой приподнялось в кресле от немого восторга. Завтра. Это было так близко, так ошеломляюще быстро и... совершенно гениально. Да-да-да, это было круто! Это был настоящий шторм, накрывающий с головой, и он с радостью позволял ему унести себя.

Следующее сообщение вернуло его к реальности, заставив сосредоточиться:

«Время и адрес хозяин»

Ее прямота, эта деловая точность в обсуждении таких интимных деталей, сводила с ума. Он обожал эту игру. Так, время... Мысленно прикинул. Она, наверное, работает до шести... Плюс дорога, сборы... Десять вечера – уже слишком поздно и пафосно. Нужно что-то нейтральное, но сохраняющее атмосферу.

«21:00 подходит?»

«Да. До завтра», – последовал ее короткий, решительный ответ.

«До встречи», – отправил он и откинулся на спинку кресла, выпуская воздух, о котором не подозревал, что задерживал. Завтра. Все решится завтра.

Чувство, хлынувшее на него, было оглушительным – это была не просто радость или нервное предвкушение, а мощная, почти первобытная волна триумфа и азарта, смывающая все оставшиеся сомнения. Пятнадцать лет. Пятнадцать лет тоски, бессмысленных поисков в чужих глазах и гнетущих сомнений – и вот она, его Николь, его призрак, его самое стойкое наваждение, согласилась прийти к нему. Не в запыленное прошлое, а в новую, только что выдуманную ими реальность, где все правила писались заново и все было возможно. Он чувствовал себя заново рожденным, наполненным до краев силой и дерзкой уверенностью, которую не испытывал, кажется, с самой юности.

Затем его ликующий взгляд скользнул по интерьеру пентхауса – безупречному, стерильному, выставочному, – и его охватило внезапное, почти комичное беспокойство. Внезапно ему везде померещились пылинки, неидеально отполированные поверхности и едва заметный беспорядок, совершенно недопустимый для такой встречи.

Он схватил телефон, и несмотря на поздний час, написал в клининговую компанию, срочно заказывая генеральную уборку на завтрашнее утро. «Прочтут утром», – попытался он успокоить себя, с легкой усмешкой представляя, как его обычно невозмутимый менеджер удивленно поднимет бровь, получив этот полуночный заказ.

Он попытался пойти спать, повелительно приказав телу расслабиться, но сон бежал от него, как от огня. Перед глазами, под прозрачными веками, стояли строчки их сценария, ее лаконичное «Да» и то одно маленькое, многообещающее слово – «пока». Оно витало в темноте, как самая сладкая из возможных строчек, превращая ночь в бесконечное, трепетное ожидание утра.

Адель закрыла ноутбук с тихим, финальным щелчком, но тишина, наступившая вслед, была обманчивой. Внутри нее все еще пело и вибрировало, словно струна, которую тронули с невероятной силой, и ее звон теперь несся в самой глубине ее существа. Легкая, колкая дрожь возбуждения постепенно сменилась сладкой, томной истомой, разлившейся по телу, как теплая вода, смывающая напряжение дня.

Она провела ладонью по своему лицу, ощущая под пальцами жар, выступивший на щеках. Он не просто согласился на ее правила – он с восторгом, с жадностью их принял. Эта мгновенная готовность следовать ее условиям, та искра азарта, что мелькнула в его лаконичных сообщениях, была соблазнительнее самого смелого сценария. Слово «пока», которое она бросила как нежный вызов, теперь повисло в теплом воздухе спальни, наполняя пространство трепетной надеждой и смутным обещанием, что главное, возможно, еще впереди.

Всего лишь через несколько часов реальность проверит на прочность все эти смелые, рожденные в полумраке фантазии. Эта мысль уже не пугала, а манила.

Она потушила свет и утонула в мягких подушках. Мысли, еще недавно носившиеся вихрем в голове, постепенно утихли, убаюканные ровным и спокойным стуком сердца. Приняв окончательное решение, она словно сбросила с плеч тяжелый, невидимый груз, который таскала за собой весь вечер. В этом заключалась странная ирония судьбы: чтобы обрести долгожданный покой, ей потребовалось согласиться на, пожалуй, самую безумную и прекрасную авантюру в своей жизни.

И сон, пришедший к ней, был не бегством, а наградой. Он накрыл ее с головой мягким, бархатным покрывалом, унося в мир без тревог, где все возможно, а завтрашний день сиял вдали, как новая, неизведанная звезда.

Глава 6.

День выдался на редкость насыщенным, словно сама судьба проверяла ее терпение. Планерки сменяли друг друга бесконечной чередой, а встреча с ключевыми компаньонами требовала абсолютной, кристальной ясности мысли. Лишь к полудню, когда солнце достигло зенита, у Адель выпала драгоценная, вымоленная минута покоя. Заперев дверь кабинета, она с тихим облегчением опустилась в мягкое кресло. Предвкушение вечера витало в воздухе, сладким и тревожным фоном ко всему происходящему, напоминая о том, что привычная реальность вот-вот расколется надвое.

Она открыла браузер, и ее пальцы на мгновение замерли над клавиатурой, будто совершая некий тайный ритуал. Нужно было найти не просто наряд, а ключ к роли, костюм, который стал бы дверью в ту реальность, что они с Олегом так смело придумали в ночной тишине.

Пока она, увлеченно листала сайты, рассматривала то строгий фартук, с безупречными линиями, то соблазнительную отделку кружевами, дверь тихо приоткрылась. В кабинет, словно добрая фея, заглянула Алена с кружкой дымящегося ароматного чая. Взгляд секретарши на секунду непроизвольно, скользнул по монитору, и на ее лице промелькнуло быстрое, живое понимание, тут же смененное тактичной, ни к чему не обязывающей улыбкой.

– Вы, кажется, с кем-то познакомились? – осторожно, словно боясь спугнуть хрупкое признание, поинтересовалась она, ставя чашку на стол.

Адель почувствовала, как по ее щекам разливается легкий, предательский румянец, но не стала ни отрицать, ни оправдываться.

– Немного, да, – ответила она, и в ее собственном голосе прозвучала смущенная, чуть виноватая усмешка, которую она не в силах была сдержать.

Алена сделала шаг ближе. Ее голос понизился до доверительного, заговорщицкого полусшепота.

– Если вам требуется что-то особенное... для особого свидания, я могу порекомендовать один прекрасный магазин. Там очень... достойный выбор.

Искренняя благодарность теплой, щемящей волной разлилась по душе Адель. В этой деликатной поддержке не было ни капли осуждения или праздного любопытства – лишь легкая, женская солидарность.

– Буду тебе очень признательна, Алена, – честно выдохнула она.

– Разрешите? – жестом спросила секретарша, и Адель кивком пригласила ее к клавиатуре.

Несколько легких, уверенных кликов, и на экране возникла элегантная, с безупречным вкусом страница интернет-магазина. Алена отступила на шаг, ее глаза до-доброму, ободряюще подмигнули.

– Надеюсь, вы найдете именно то, что ищете.

– Спасибо! – С искренней теплотой ответила Адель, и проводив помощницу взглядом, полным признательности, с новым окрыленным энтузиазмом повернулась к монитору, где ее уже ждал целый мир изысканных возможностей.

Она набрала в поисковой строке заветные слова – «костюм горничной», – и экран вспыхнул, открывая перед ней целую вселенную, сотканную из шелка, атласа и тончайшего кружева. Здесь строгая линия униформы спорила с игривой откровенностью фасонов, и каждый наряд был не просто одеждой, а намеком, обещанием истории, которая только ждала своего часа.

После недолгих, но удивительно приятных поисков, когда глаза слегка устали от обилия, ее взгляд остановился на одном, особенно изысканном варианте. Это было короткое платье-футляр из тончайшего креп-сатина, удивительным образом сочетавшее в себе сдержанную строгость и соблазнительную лаконичность линий. Его главной деталью стал ряд крошечных,

обтянутых той же тканью пуговиц, бегущих от высокой горловины до самого подола – каждая из них словно приглашала к неторопливому, интригующему ритуалу раздевания. Элегантности и намек на классику добавляли миниатюрный белый воротничок и такие же безупречные манжеты, напоминавшие об образе горничной, но в переосмысленном через призму утонченной роскоши.

К этому основанию она мысленно, а затем фактически, подобрала пару чулок с ажурной, изящной резинкой и комплект нижнего белья из невесомого, словно паутина, кружева – он казался воплощением скрытой, интимной чувственности, известной лишь ей одной.

Но настоящей жемчужиной среди всех находок, тем последним штрихом, что превращал тщательно собранный образ в законченную, дышащую тайной картину, стала маска. Непроницаемо-соблазнительная, сшитая из черного кружева с бархатными вставками, она должна была скрыть верхнюю часть ее лица, оставив видимыми лишь накрашенные алые губы и подбородок. Эта деталь придавая ее образу ауру загадочности и театрального волшебства, так идеально соответствовавшую их рискованной и изысканной игре.

– Как хорошо, что в нашем мире есть волшебство под названием «срочная доставка»! – с тихим облегчением прошептала она, завершая заказ и указывая адрес офиса. Казалось, сама вселенная способствовала ее маленькому приключению.

Со странно окрыленным сердцем, в котором трепетали и волнение, и радостное нетерпение, она взяла кружку с чаем и направилась в кабинет к Роману, решив навестить его в перерыве. Застав его погруженным в изучение графиков их совместного проекта, она легко волилась в рабочий процесс. Их обсуждение было живым и продуктивным, пока звонок секретаря Романа не прервал его.

– К вам доставка, Адель Леоновна! – донеслось из трубки.

– Неужели? Уже? Так быстро? – не удержалась она от восклицания, пораженная скоростью курьерской службы.

Роман оторвался от монитора, и в его глазах зажглось любопытство.

– И что это ты такое срочное заказала? – спросил он, откидываясь на спинку кресла.

– Да так, пустяки. Ничего особенного, – отозвалась она, и в ее взгляде, скользнувшем мимо него, мелькнула та искорка тайны, которую он мгновенно уловил.

– Ну уж нет, признавайся, – не отступал он, поднимаясь из-за стола и следуя за ней в коридор. – Таинственные покупки в рабочее время... Это что-то новенькое.

Увидев небольшой, но удивительно изящный конверт из плотной крафтовой бумаги с деликатным логотипом бутика, Роман не смог сдержать улыбки.

– Какой стильный пакетик... – протянул он, и наклонившись к ее уху, понизил голос до интимного шепота: – Неужели твоя затея с поиском мужчины обретает такие... осязаемые очертания?

– Роман, умоляю, – с легким упреком, но без злости в голосе, произнесла Адель, прижимая заветную посылку к груди, словно драгоценность. – Не вторгайся пока в мою личную жизнь. Дай мне немного пространства.

– Но почему такая секретность? – не сдавался он, изучая ее смущенное, но явно счастливое лицо. – Ты стала что-то скрывать, Адель. Это не похоже на тебя.

– Со мной все прекрасно, – ответила она мягко, но твердо. – Обещаю. Как только все перейдет в стадию «серьезно», ты узнаешь все первым. Договорились?

– Договорились, – сдался он, поднимая руки в шутливом жесте капитуляции. – Хорошего тебе... времяпровождения.

– Спасибо! – улыбнулась она. – Скажи, я могу сейчас убежать?

– Конечно, беги. Только, для моего спокойствия, скинь потом локацию, – подмигнул он.

– Обойдешься и без локации, – рассмеялась она в ответ, и развернувшись, скрылась за поворотом коридора, оставив его с улыбкой и теплым чувством участия в ее маленькой, загадочной тайне.

Утро Олега началось не с привычного звонка будильника, а с раннего, почти рассветного звонка менеджера клининговой компании. Голос в трубке вежливый и деловитый, сообщил, что команда вот-вот подъедет для проведения уборки. Олег, уже бодрый и собранный, коротко бросил в трубку: «Ключи возьмете у консьержа», – и положил трубку. Обычно такие бытовые мелочи вызывали в нем легкое раздражение, но сегодня каждая из них казалась ему не суетой, а важной частью большого, захватывающего плана, кирпичиком в здании грядущего вечера.

Он поехал в офис, но работа в этот день стала для него не тяжким бременем, а легким, почти воздушным занятием, бережно заполняющим паузы в ожидании главного события. Сотрудники, привыкшие видеть его сконцентрированным и немного отстраненным, с нескрываемым удивлением отмечали разительную перемену. В тот день Олег был похож на человека, в которого вдохнули новую жизнь. Его обычная, чуть холодноватая сдержанность растаяла, уступив место какой-то заразной, почти осязаемой легкости.

По коридорам он передвигался не привычной уверенной походкой хозяина империи, а почти что порхал. Его лицо освещала не сходящая с губ улыбка – не дежурная и вежливая, а искренняя, идущая из самой глубины души. Он шутил с ассистенткой, отпустил пару беззлобных колкостей на планерке, и в его глазах, всегда таких внимательных и строгих, теперь плясали озорные, живые искорки.

Коллеги переглядывались: «С Олегом Константиновичем сегодня творится что-то невероятное». В обед он сбежал из офиса, словно школьник, сорвавшийся с последнего урока. Целый час он провел в бассейне, рассекая гладь воды мощными, ритмичными гребками, смывая с себя последние следы нервного напряжения. Вода обтекала его, прохладная и упругая, а каждая клетка тела пела в унисон – не от усталости, а от сладкого, нетерпеливого предвкушения, которое делало этот день похожим на подарок.

Вернувшись домой, он даже не стал проверять работу клинеров. Он доверял профессионалам и знал – все будет безупречно. Вместо этого он медленно, как режиссер перед премьерой, прошелся по залитым мягким светом комнатам, где пахло свежестью и лимонной цедрой. Он расставил бутылки с водой в холодильнике ровными рядами, поправил диванные подушки в гостиной, добиваясь идеальной симметрии. Каждое его движение было осознанным, наполненным глубоким смыслом. Он готовил сцену. Он готовился к встрече со своей загадочной Адель. И ничто не могло омрачить его возвышенного, ликующего настроения. Весь мир казался ему сегодня удивительно дружелюбным и прекрасным, будто подыгрывая его тайному замыслу.

Тем временем последние лучи заходящего солнца золотили горизонт, когда Адель погрузилась в ванну, наполненную теплой водой с ароматом дорогого, пудрового парфюма. Вода нежно окутала ее, смывая не только дневную усталость, но и последние следы сомнений. Каждое ее движение стало частью ритуала – медленного и осознанного, превращающего обычное омовение в подготовку к таинству.

Затем началось облачение. Сначала на кожу лег шепот нижнего белья, сотканного из тени и соблазна. Кружевные лепестки лифа и тонкие, словно паутинка, трусики едва угадывались под тканью, делая кожу под ними особенно чувствительной, живой и ожидающей.

Потом пришла очередь самого костюма. Короткое платье горничной легко легло на тело, подчеркивая линию талии, а пуговицы, застегивающиеся спереди, издавали тихие, решительные щелчки под ее пальцами. Она бережно натянула чулки, тщательно расправляя ажурную резинку, и ловко закрепила их изящными подвязками. Каждая деталь была доведена до совершенства.

Перед зеркалом она нанесла легкий, почти невесомый макияж, лишь подчеркнувший естественную красоту. Но главным аккордом стала помада – насыщенного, алого цвета, словно

капля вина. Ее губы, яркие и влажные, обещали то, чего никогда не скажут глаза, хранящие свою тайну.

Длинное строгое пальто скрыло от посторонних взглядов ее дерзкий наряд, превратив в обычную девушку, спешащую на вечернюю встречу. В карман она опустила последний, самый важный атрибут – маску из черного кружева. Она была тонкой, но непреодолимой границей между двумя мирами: между Адель, которую все знали, и той таинственной незнакомкой, в которую ей предстояло превратиться этим вечером.

Вызвав такси, она устроилась на заднее сиденье, и глядя на мелькающие огни, прислушалась к себе. Страх был – легкий, холодный комочек где-то глубоко внутри. Но его с лихвой перекрывало другое, щемящее и пьянящее чувство – волна свободы и азарта, сладкий холодок предвкушения, бегущий по спине. Она не просто ехала на встречу. Она отправлялась навстречу своему «хозяину» на этот вечер, готовая сыграть роль, которая, быть может, откроет ей что-то новое в ней самой.

Вот она стоит перед заветной дверью. Сердце колотилось так громко и бешено, что, казалось, его стук эхом разносится по всему подъезду. Последним движением, почти ритуальным, она надела маску. Теперь мир сузился до щелочек для глаз, через которые она видела лишь массивную дверь и свою собственную дрожащую руку, тянущуюся к звонку.

Глухой звук приближающихся шагов из-за двери заставил ее дыхание остановиться. Дверь отворилась, и она увидела его.

Он. Тот самый человек, чей образ годы не стерли из памяти, а лишь отточили, добавив шарма зрелости к когда-то знакомым чертам. Сердце ее совершило болезненный, узнающий толчок, и она почувствовала, как по всему телу разливается сладкий, но горьковатый жар. Все те чувства, что она так тщательно хоронила в глубине души, ожили в одно мгновение, сметая все условности и напоминая о главном – перед ней стоял мужчина, которого она никогда по-настоящему не переставала любить.

Вспомнив о сценарии, она покорно опустила глаза, ощущая, как его холодная, оценивающая аура окутывает ее. Но в уголках его глаз и на губах таилась едва уловимая, теплая улыбка, которая выдавала его истинную, игривую натуру, скрытую под маской строгости. Он медленно, с нескрываемым наслаждением, окинул ее взглядом с ног до головы, а затем едва заметным жестом пригласил войти. Его пальцы коснулись ее пальто, снимая его с такой интимной нежностью, будто обнажали саму ее душу. Повесив одежду, он мягко повел ее в гостиную.

И тогда его голос, низкий и бархатный, прозвучал для нее как музыка из прошлого – мелодия, от которой защемило сердце и перехватило дыхание.

– В этом доме ценится не только чистота, но и бесшумность. – Его голос прозвучал ровно и спокойно, но в нем ощущалась стальная воля. – Я не терплю лишних звуков. И еще... абсолютная дисциплина. Выполнение просьб без вопросов и промедления. Это главное правило. Вас это устраивает?

Он приблизился так близко, что нарушил все невидимые границы личного пространства. Она ощущала исходящее от него тепло, слышала его ровное дыхание и чувствовала, как ее собственная грудь вздымается в такт бешено колотящемуся сердцу. Кончики его пальцев медленно, почти невесомо, провели по ее плечу, будто смахивая невидимую пылинку.

– Идеальный порядок начинается с мелочей, – продолжил он, и его слова прозвучали как ласковый упрек. – Не забывайте об этом.

Он видел, как у нее перехватывает дыхание, как трепещут ресницы, и это зрелище пьянило его сильнее самого изысканного вина.

– Вы кажется, не до конца понимаете, – продолжил он, его голос стал тише, интимнее, обретая бархатные ноты, – что подразумевается под абсолютной дисциплиной.

Наклонившись к ее уху, он прошептал так, что от его горячего дыхания по ее коже побежали мурашки:

– Позвольте мне показать.

Он мягко, но неоспоримо властно направил ее к массивному столу из темного дерева. Она чувствовала, как дрожат ее ноги, а внутри все сжимается в тугий, сладкий комок ожидания. Она отчаянно хотела прикоснуться к нему, ощутить знакомую твердость его плеч, но сила воли и пьянящий азарт этой игры удерживали ее на месте.

Он встал перед ней, придвинувшись так близко, что их тела почти соприкасались, и она инстинктивно оперлась о столешницу, чувствуя прохладу дерева сквозь тонкую ткань платья. Его палец, медленно, словно вырисовывая невидимый узор, прошел от виска по линии челюсти к подбородку, заставляя ее непроизвольно приоткрыть рот в немом, жаждающем приглашении.

Но он помнил правило. Вместо поцелуя он произнес, глядя прямо в ее глаза, в которых она тонула, как в бездне:

– Первое правило... мое прикосновение – это не нарушение. Это – правило.

Его пальцы, теплые и уверенные, скользнули к пуговицам ее платья. Одна, вторая... Ткань расступилась с тихим, подобным вздоху, шелестом, открывая кружевные тайны, скрытые под ней.

– Второе правило, – его голос прозвучал тихо, но непререкаемо, пока его руки продолжали свое дело, – вы не отводите взгляд, пока я смотрю на вас. Вы смотрите на меня. Понятно?

И она смотрела. Проваливалась в бездну его темных, таких знакомых до боли и в то же время бесконечно новых в этот миг. Платье, окончательно сдавшись, мягко соскользнуло на пол, оставив ее стоять в одном лишь кружевном белье и чулках, дрожащую от волнения и прекрасную в своей уязвимости.

Он склонился к ее ключице, и его губы выжигали на коже нежные, обжигающие поцелуи. Затем он опустился ниже, и его рот нашел ее грудь. Тихий, сдавленный вскрик вырвался из ее губ, а ее пальцы вцепились в его волосы, в шею, в плечи, словно она боялась, что это хрупкое видение вот-вот растворится, как дым. Ее щека сама собой прижалась к его щеке в нежном, отчаянном жесте, нарушающем дистанцию, но не главный, нерушимый запрет.

Он легко, почти без усилий, приподнял ее и усадил на край прохладного стола. И тогда его губы, его руки, его горячее дыхание принялись исследовать каждый сантиметр ее тела, возводя напряжение до невыносимого, сладкого предела, за которым уже не было места ни для каких правил.

Она отвечала ему той же стремительной, жадной нежностью. Ее прикосновения, ее ответные поцелуи были полны того самого обожания, что годами тлело в глубине ее сердца, не смея вырваться наружу. Ее объятия говорили громче любых слов, исповедуясь во всем, что так долго оставалось невысказанным.

И в какой-то момент, когда терпение лопнуло, он с низким победным рычанием, полным страсти и торжества, подхватил ее на руки и понес в спальню, где их ждала широкая кровать, утопающая в мягких подушках и залитая теплым, интимным светом, обещавшая стать храмом для их долгожданного воссоединения.

В полумраке спальни, где свет едва касался их сплетенных тел, начался их настоящий танец – танец без масок и правил, где оставались только кожа, жар и давно забытое чувство полного, безраздельного слияния. Каждое движение было немым диалогом, каждое прикосновение – и вопросом, и ответом, складывающимися в исповедь, которую они не могли произнести вслух.

. Он входил в нее медленно, с почти благоговейной нежностью, давая ей привыкнуть к каждому сантиметру, заполняя не только ее тело, но и ту тихую пустоту, что он носил в себе все эти годы. Адель встретила его ритм, ее бедра плавно двигались в унисон с его движениями, а ноги сами собой обвили его талию, притягивая ближе, глубже, в бездонную глубину близости.

Они не спускали друг с друга глаз, и в его взгляде, помимо темного огня желания, она читала изумление и то самое щемящее узнавание, что терзало и ее саму. Когда волна насла-

ждения начала нарастать, она не стала ее сдерживать. Ее тело выгнулось, тихий, срывающийся крик зазвучал в тишине комнаты, и она ощутила, как внутри все сжимается в ослепительном вихре спазмов, таких ярких, что на мгновение мир перестал существовать, и забыть собственное имя.

Он, подхваченный ее оргазмом, с глухим, сдавленным стоном последовал за ней. Его тело напряглось в финальном объятии, изливая в нее все накопленное напряжение, заполняя тишину комнаты их сбитым, учащенным дыханием – единственным звуком, что имел значение в этот миг полного растворения.

Они лежали, сплетенные, как две ветви одного дерева, не в силах и не желая разъединиться. Эхо их страсти медленно растаяло в ночной тишине, оставив после себя лишь тихий шепот дыхания и тяжелый, сладкий аромат случившегося, витавший в воздухе, как благоухание ночного цветка.

Его рука лежала на ее бедре, тяжелая и теплая, и в этом простом прикосновении читалось больше, чем в самых страстных объятиях – словно он пытался запечатлеть в памяти каждый изгиб, каждую линию этого тела, которое когда-то знал лучше собственного. Лицо он утопил в ее волосах, и его обоняние, обостренное до предела, уловило легкий, едва уловимый аромат шампуня с нотами жасмина и ванили.

И тут его пронзила внезапная, но почти болезненная ностальгия. Этот запах... Тот самый, единственный, что он помнил все эти долгие годы. Его Николь. Не призрак, не воспоминание – а живая, дышащая женщина в его объятиях. Он нашел ее.

И в этот миг по всему его телу, от макушки до кончиков пальцев, разлилось глубокое, всепоглощающее спокойствие, которого он не ощущал, кажется, целую вечность. Это было чувство моряка, который после долгих лет скитаний по бурному океану наконец-то ощутил под ногами твердую землю. Он нашел свой потерянный якорь, свое пристанище. И в тишине ночи он поклялся себе, что не отпустит его уже никогда.

Она почувствовала, как его объятия внезапно стали чуть более напряженными, словно он боялся, что этот миг растворится, как сон. В ответ она нежно прижалась к нему чуть сильнее, и это безмолвное понимание стало их тихим диалогом. Он уловил это движение, и уголки его губ дрогнули, сложившись в едва заметную, но безмерно счастливую улыбку, полные безмерной благодарности.

Ее губы, легкие, как дуновение ветерка, коснулись его плеча, оставив на коже невидимую отметину – печать этого мгновения. Затем она медленно приподнялась. Прохладный воздух комнаты ласково коснулся ее разгоряченной кожи, и легким сожалением в душе она осознала, что магия ночи подошла к концу.

– Мне пора, – тихо произнесла она, отворачиваясь, чтобы начать одеваться.

Мысль об уходе вызвала щемящую тоску, но невидимые правила их изысканной игры, требовали этой паузы, этого тактичного отдаления, которое лишь подогрело бы предвкушение.

– Может, останешься? – в его голосе прозвучала неподдельная, почти мальчишеская надежда, такая уязвимая, что сердце ее сжалось.

– Давай пока оставим все как есть. Нашей игрой, – ее ответ был мягким, но в нем чувствовалась нежная, но неоспоримая твердость.

– Ненадолго? – снова спросил он, его рука инстинктивно потянулась к ней, пальцы едва не коснулись ее руки, словно не в силах смириться с ее уходом.

– Надеюсь, – она обернулась, и улыбка, озарившая ее лицо, была наполнена не просто удовольствием от сыгранной роли. В ее сияющих, по-настоящему счастливых глазах он увидел отблеск чего-то настоящего, того, что было глубже любой игры. И он все понял. Понял, что лучше не торопить события, не спугнуть эту хрупкую, вновь распутившуюся между ними близость.

Гораздо мудрее было осторожно, шаг за шагом, приходить от этой искусственной пьесы к чему-то подлинному и прочному. Он отпустил ее, смирившись, но с новым чувством в груди – твердой уверенностью, что их игра, ставшая началом чего-то большего, только начинается.

Он не мешал ей собираться, давая ей возможность медленно, как бы нехотя, возвращаться к реальности. Он просто наблюдал за каждым ее движением с тихим, безмолвным обожанием, впитывая каждую деталь. Когда она надела платье, он помог ей набросить пальто, и его пальцы на мгновение задержались на ее плечах, передавая через тонкую ткань все то, что осталось невысказанным.

– Я провожу тебя? – тихо предложил он, все еще пытаясь продлить эти хрупкие, ускользающие мгновения.

– Нет, – мягко покачала головой она. – В этот раз я сама.

Он не стал настаивать, лишь кивнул с пониманием.

– Тогда... когда будешь дома, напиши, пожалуйста, – попросил он, и в этих простых словах звучала такая искренняя забота и трепет, что ее сердце сжалось от нежности.

Он вызвал такси, и они обменялись телефонами – это был не просто обмен цифрами, а вручение друг другу ключей от будущего, от возможного продолжения их истории.

Их прощание у порога обошлось без поцелуев – лишь легкие, многообещающие улыбки, теплое рукопожатие, затянувшееся на секунду дольше необходимого, и долгий, полный безмолвных вопросов и надежд взгляд, сказавший больше сотни слов.

И вот она вышла в прохладную ночь, унося с собой в душе его запах, тепло его ладонь и сладкое, трепетное предвкушение, похожее на первый аккорд прекрасной мелодии, – твердое ощущение, что все по-настоящему только начинается.

Глава 7

Дни Адель и Олега текли в ритме легкой, игривой переписки, которая стала для них сладким ежедневным ритуалом. Их утро начиналось с сообщений «Доброе утро, мой грозный хозяин» и «Спокойной ночи, моя непослушная горничная». Они обменивались забавными картинками и шутливыми фразами, понятными только им двоим. «Сегодня в моем гардеробе царит идеальный порядок. Жаль, что нельзя сказать то же самое о моих мыслях» или «Мое кофе кажется пустым без вашего приказа. Наверное, мне требуется срочный инструктаж».

И вот однажды, сидя на скучной планерке, Олег изнывал от тоски по ней, и не выдержав, написал: «Мне срочно требуется помощь». В это время у Адель шла важная встреча с партнерами, но телефон тихо завибрировал, нарушая деловой настрой. Она украдкой взглянула на экран, и по ее лицу пробежала сдержанная улыбка.

«Какая помощь?» – отправила она, представляя его серьезное выражение лица, скрывающее озорство.

«Скорая», – пришел мгновенный ответ, заставивший ее сердце учащенно забиться.

«Вызов принят. Выезжаю, через час буду у вас», – ответила она, понимая, что игра переходит на новый, еще более увлекательный уровень.

Олег, прочитав сообщение, резко поднялся с кресла, и прервал доклад менеджера.

– Так, я думаю, вы прекрасно справитесь и без меня, – заявил он и стремительно вышел из переговорной, оставив после себя легкое замешательство.

Коллеги переглянулись, и один из них, скрывая улыбку, прокомментировал:

– Кажется, у нашего Олега Константиновича появилось серьезное увлечение. Настоящее.

Тем временем в конференц-зале Адель, окруженная вниманием партнеров, мастерски озвучила ключевые аргументы. Ее речь была безупречной, жесты – уверенными, но внутри все трепетало от нетерпения. Закончив выступление, она наклонилась к Роману, сидевшему рядом, и тихо, с легкой извиняющейся улыбкой произнесла:

– Ты уж без меня дальше справишься, да?

Поймав его мгновенный, понимающий взгляд и едва заметный одобряющий кивок, она плавно поднялась и вышла из зала стремительно и бесшумно, будто ее унесло легким ветерком.

В своем кабинете она сразу же открыла уже знакомый сайт. Пальцы быстро вывели в поисковой строке «форма медицинской сестры». Среди предложенных вариантов ее взгляд сразу же остановился на одном – элегантном, сшитом со вкусом, но с той самой долей пикантности, что соответствовала духу их игры. Не раздумывая, она оформила срочную доставку в офис.

Роман как раз провожал гостей, когда в приемной снова появился курьер с тем самым, уже узнаваемым изящным пакетом. Подойдя к Адель, Роман с притворной суровостью посмотрел на сверток, затем на нее.

– Ого! – протянул он, и в его глазах заплясали веселые искорки. – Что же это за молодой человек, ради которого ты впервые за десять лет сбегашь с важной встречи? Познакомишь с ним когда-нибудь?

– Думаю, со временем обязательно, – с теплой, счастливой улыбкой ответила она, бережно прижимая попку к себе.

– Ты уверена в нем? – в его голосе прозвучала неподдельная, братская забота, от которой у Адель на мгновение стало тепло на душе.

– Да, Ром, – ее слова прозвучали на удивление мягко и искренне. – Все хорошо. Я... я чувствую себя... счастливой. По-настоящему.

Он внимательно посмотрел на ее сияющее лицо и невольно смягчился.

– Я очень на это надеюсь, – тихо, почти шепотом, сказал он.

– Могу я идти? – спросила она, уже накидывая пальто.

– Разве я могу тебя остановить? – Роман развел руками, смотря ей вслед с легкой растерянностью и улыбкой.

Он не видел Адель такой – сияющей, окрыленной, наполненной светом – очень-очень давно. И пока он смотрел на удаляющуюся фигуру, его сердце сжалось от трепетного, щемящего опасения. Лишь бы этот человек, сумевший подарить ей столько света, не стал однажды причиной новой боли.

Олег не ожидал, что его шутивая просьба о «скорой помощи» встретит такой молниеносный и решительный отклик. Сообщение Адель «Буду через час» сначала застало его врасплох, а затем накатило волной пьянящего восторга, от которого закружилась голова. Он буквально вылетел из офиса, окрыленный, как юноша перед первым свиданием, с глупой улыбкой на обычно серьезном лице.

Пока он мчался домой, его ум лихорадочно работал, выстраивая новый сценарий. Он решил, что будет играть роль больного, того, чье сердце ноет от одиночества, а душе остро не хватает именно ее тепла и заботы. «Да, – с улыбкой думал он, глядя на мелькающие здания за окном, – пусть поболит от нехватки ее. Это будет самая приятная болезнь в моей жизни».

Тем временем Адель, чей офис находился неподалеку, действовала с точностью и скоростью, достойной лучшего спецagента. Она едва сдерживала смех, представляя его выражение лица и добежав до своей квартиры, сбросила деловой костюм. Под струями теплого душа смыла с себя всю дневную усталость и деловую серьезность., ощущая, как кожа покрывается мурашками от предвкушения.

Затем настало время для перевоплощения. Она надела приобретенную униформу медсестры – элегантную, белоснежную, с легким намеком на кокетство, который так изящно подчеркивал все ее достоинства.

Подойдя к зеркалу, она не могла сдержать довольной улыбки. Отражение отвечало ей лукавым блеском в глазах. Образ был безупречен и дышал той самой игривой серьезностью, что требовалось для их ролевой игры.

Спустившись на паркинг, она завела машину, и уже через мгновение автомобиль плавно тронулся с места, унося ее навстречу новому приключению – к ее «больному» господину, в чьих объятиях ее ждала роль не только медсестры, но и целительницы одинокой души, которая, как она подозревала, нуждалась в исцелении не меньше, чем ее собственная.

Адель поднялась на его этаж, тот самый, что занимал всю площадь здания, обещая абсолютное уединение и отстраненность от всего мира. Перед ней возвышалась единственная, массивная дверь из темного дерева, внушительная и молчаливая. Едва ее палец коснулся кнопки звонка, как дверь тут же бесшумно отворилась, словно он и вправду стоял за ней, затаив дыхание в сладком ожидании.

На пороге стоял Олег, но не тот собранный и властный мужчина, каким она привыкла его видеть. Его рубашка была небрежно растегнута, открывая грудную клетку, на нем были лишь домашние мягкие трусы, а волосы живописно растрепались, будто он только что поднялся с постели. Завершал этот образ страдальца медицинский градусник, нелепо торчащий из-под рубашки.

Адель не смогла сдержать легкого, счастливого смешка. В этот раз на ее лице не было маски – только открытая, сияющая улыбка, наполненная теплом и нежностью.

– Что вас беспокоит? – спросила она, переступая порог и снимая пальто с подчеркнутой, театральной серьезностью.

Он ловко подхватил его одной рукой и повесил на вешалку, не сводя с нее темных, сияющих глаз.

– Болит, – простонал он с преувеличенной страдальческой миной, но в уголках его губ играла непослушная улыбка.

– Что именно у вас болит? – продолжила она игру, приближаясь к нему.

– Здесь, – прошептал он уже совсем иным, низким и бархатным голосом, в котором дрожала настоящая, неподдельная нежность.

Он взял ее руку и мягко прижал ее ладонь к своей обнаженной груди, прямо к тому месту, где под кожей отчетливо и часто стучало сердце, громко выдавая его истинное, взволнованное состояние. Она с деланным, но исполненным заботы беспокойством вынула градусник, и игриво щурясь, посмотрела на шкалу.

– Так-с, вы просто горите, – заключила она, пытаясь сохранить профессиональный тон.

– Горю, – тихо подтвердил он, и его взгляд стал томным и тяжелым, полным немого вопроса и ожидания.

– Пройдемте, я вас осматрю, – скомандовала она, указывая рукой в сторону спальни.

– Пройдемте, – с готовностью и полной капитуляцией согласился он, позволяя вести себя, куда она пожелает, наслаждаясь каждой секундой этой легкой, прекрасной игрой, которая была лишь предлогом для их близости.

В спальне он опустился на край кровати с таким драматическим вздохом, будто играл главную роль в медицинской мелодраме. Его рука изящно приложилась ко лбу, а взгляд стал томно-страдальческим. Адель, стараясь сохранить профессиональное выражение лица, достала из сумки стетоскоп – тот самый, что был частью купленного костюма. Ее пальцы, холодные от уличного воздуха, коснулись его горячей кожи, когда она приложила диск к его груди.

– Дышите глубоко, – произнесла она, но в этот момент стетоскоп соскользнул с ее пальцев и мягко шлепнулся ему на живот. На мгновение воцарилась комичная пауза, и они одновременно рассмеялись – тихо, смущенно.

– Кажется, мне нужна неотложная помощь в обращении с медицинским оборудованием, – улыбнулась она, поднимая инструмент.

– Сначала диагностируйте мое сердце, доктор, – с преувеличенной серьезностью попросил он, – оно явно страдает от недостатка вашего внимания.

Его руки обвили ее талию, притягивая ближе, пока она с преувеличенным вниманием слушала его сердцебиение. Но шепот стетоскопа быстро сменился звуком учащенного дыхания, и их игра начала превращаться в нечто большее...

Ее губы вместо следующего вопроса коснулись его кожи – сначала у ключицы, затем медленно, неспешно спускаясь вниз по линии грудины. Каждый ее поцелуй был словно прикосновение раскаленного металла, оставляющий невидимый след.

Он с тихим, сдавленным стоном откинул голову назад, полностью отдаваясь этому «осмотру». Но и его руки не оставались пассивными – они скользнули под короткий медицинский халат, ощущая шелк чулок и теплое дыхание ее кожи. Он расстегнул пуговицы на халате, и ткань бесшумно соскользнула на пол, подобно лепестку.

Их ролевая игра растворилась, как утренний туман, уступив место чему-то более настоящему – жгущей, долго сдерживаемой страсти. Он перевернул ее, поменявшись местами, и теперь уже его губы и язык совершали свое путешествие по ее телу, останавливаясь на трепещущем основании горла, на нежной коже внутренней стороны бедер, на каждом сантиметре, заставляя ее извиваться и тихо стонать, теряя границу между игрой и подлинным чувством.

Когда он вошел в нее, это было не стремительное погружение, а медленное, почти церемониальное соединение, от которого у них обоих перехватило дыхание. Каждый сантиметр этого проникновения был осознанным, выверенным, наполненным таким трепетом, будто они открывали друг в друге что-то древнее и вечное. Он двигался внутри нее с такой нежностью, словно стремился запомнить все: каждый ее сдавленный вздох, каждый трепет ресниц, каждый изгиб ее губ.

Адель впивалась пальцами в его мощную спину, ее ноги плотно обвились вокруг его бедер, прижимая его ближе, глубже, в безумной и прекрасной попытке стереть последние границы между ними. В этом движении было не только желание, но и мольба, и обещание, и что-то такое, что не нуждалось в словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.